

ДЖИНА
ШЭЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Киндер-
сюрприз
Для джана

Джина Шэй
Киндер-сюрприз для декана
Серия «Декан и холера», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67865922

SelfPub; 2023

Аннотация

Что должен сделать порядочный бывший, узнав, что ты от него утаила ребенка? Устроить скандал, бугурт, некрасивую сцену, потому что его, бедняжку, обидели! Свалить в закат, и никогда на нем не отсвечивать – потому что три года без него как-то справлялись, и дальше проживем! Ни в коем случае не переезжать следом за тобой, лишь бы почаще видеться с ребенком! И не селиться в квартиру напротив! И не расстраивать твою свадьбу! Что делать, если мой бывший не был порядочным, и не собирается им становиться? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Аннотация	4
Глава 1. Катя	5
Глава 2. Юлий	17
Глава 3. Катя	31
Глава 4. Юлий	48
Глава 5. Катя	59
Глава 6. Юлий	73
Глава 7. Катя	94
Глава 8. Юлий	101
Глава 9. Катя	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Джина Шэй

Киндер-сюрприз для декана

Аннотация

Что должен сделать порядочный бывший, узнав, что ты от него утаила ребенка?

Устроить скандал, бугурт, некрасивую сцену, потому что его, бедняжку, ущемили в правах!

Свалить в закат, и никогда на нем не отсвечивать – потому что три года без него как-то справлялись, и дальше проживем!

Ни в коем случае не переезжать следом за тобой, лишь бы почаще видеться с ребенком! И не устраиваться в твой университет работать! И не расстраивать твою свадьбу!

Что делать, если мой бывший не был порядочным, и не собирается им становиться?

Глава 1. Катя

– Эй, ну-ка погоди!

Я останавливаюсь по-дурацки, высунувшись из машины одной ногой, придерживая пальцами шелковистый подол платья. Смотрю назад, и думаю, есть ли у этого человека совесть.

– Ну, ты и вырядилась, дорогая.

– Кир!

Паршивец белозубо сверкает улыбкой.

– Ну что! Правда же! Вырядилась. Форсишь перед бывшим.

– Он мне не бывший, – бурчу я и решительно вылезаю из машины, – чтобы быть бывшим, нужно хоть какие-то отношения иметь. А у нас с ним...

– А у вас с ним Карамелина вышла, – не унимается Кир, и я бы, наверное, пришибла бы его на месте, если бы он не смеялся настолько заразительно.

– У *меня* она вышла, – сухо поправляю я, – у меня справка есть. Восемь часов родов. Все остальные претенденты на мою Карамель должны понимать, что у меня целая коллекция чугунных сковородок.

Кстати о сладком...

Я заглядываю на заднее сиденье машины. Каролинка сидит в своей автолюльке, пускает пузыри и вдохновенно гры-

зет пластиковое кольцо погрызушки. Ох, сокровище мое!

Если бы я еще не знала, как быстро ты превращаешься в грозную мегеру – я бы, пожалуй, не боялась так. А тут еще и зуб этот! Сейчас как закусит неаккуратно, и бегите все. От вопля моей маленькой банши и бокалы периодически трескаются.

– Да вали ты уже! – Кир замечает мое движение, негодуя сводит брови над переносицей. – У меня с Карамелиной уже планы горят, между прочим.

– Планы? – я скептически поднимаю бровь. – Какие еще планы?

– А тебе все расскажи, – Кир злорадно ухмыляется, – ты нас решила кинуть, мы тебе не простили. И составили планы. Без тебя!

– Ты! – я тыкаю в это недоразумение, с которым меня угрозило съехаться, указательным пальцем, – ты, по-моему, забыл про мои сковородки!

– Нет, – Кир встряхивает лохматой головой, – я просто все их спрятал. И не боюсь тебя.

– Ну, ладно, – я коварно улыбаюсь, милостиво соглашаюсь, – спрятал так спрятал. Значит, сегодняшние блинчики на завтрак были последними блинчиками в твоей жизни.

Кир надувается, явно планируя дать мне отповедь в духе «не очень-то и хотелось», но именно в эту секунду у меня в сумочке начинает горлопанить телефон.

Ох, черт, я же опаздываю!

– Егор Васильевич, я уже подъехала, – быстро-быстро таторю я, срываясь с места и чуть не через ступеньку взлетая по лестнице, – одну минуту подождите, я вот-вот...

– Хорошо, Екатерина, я просто хотел уточнить, что наши с вами планы не изменились, и встреча состоится, – бывший мой проректор невозмутим как никогда.

– Да, разумеется, – откликаюсь я, оборачиваясь у самых дверей к машине.

Кир беззаботно высунулся с водительского кресла и машет мне. Темноглазый, темноволосый, атлетичный. И безмозглый. Мог бы на свои красивые плечи девочку без ребенка взьючить. Нет ведь! Приспичило ему – замутить со мной. Шесть месяцев мутит. Никак не размутится!

Шлеп-шлеп-шлеп...

Подошвы моих босоножек так странно стучат по полу пустого летнего универа. Сессия кончилась неделю назад, абитуриенты ломанутся с документами через пару недель, университет переживает свой короткий отпуск.

Не думала, что сюда вернусь, хоть когда-нибудь.

В этих стенах, кажется, даже камни укоризненно покачивают головами мне вслед. Помнят, как я, боясь позора и осуждения, сбежала из университета и даже документов забирать не стала.

Что ж, я здесь ненадолго! Это дарует мне спокойствие.

– Можно? – стучать и спрашивать. Все же старые привычки неискоренимы. Да и не столько лет прошло, чтобы я вдруг

получила право заходить в кабинет проректора с ноги.

– Конечно, нельзя, – насмешливо комментирует Егор Васильевич, – заходите скорее, Катя. Только ради вас приехал сегодня.

– Извините, – смущенно улыбаюсь, проскальзывая в его кабинет, – не подумала, что у вас отпуск.

– Да какой отпуск, – Васнецов невесело вздыхает, – кто б меня в него пустил еще. Филимонов у нас в операционной лежит. Я за него. А сейчас самая пора выбивать финансирование, забивать места на конференции. На части рвут. К жене не пускают. Старшенький у меня скоро забудет, как я выгляжу.

– Старшенький? – цепляюсь за интересное слово. – У вас вроде один ребенок...

– Был один, сообразили второго, – Егор Васильевич широко улыбается, – долго ли умеючи.

– Не долго, да, – зеркалю его мимику, но опускаю глаза. Сама думаю, что это действительно несложно.

Мне лично хватило одного раза без защиты на деканском столе. А говорят, и защита – не панацея.

– Мы отвлеклись, – Васнецов спохватывается и переходит из режима «гордый отец семейства» в режим «деловой проректор». – Катя, вы просили о личной встрече. Вы хотите восстановиться?

Сердце от такого меткого вопроса пропускает удар.

Если бы это было возможно...

Но нет. Не все мои одногруппники покинули стены Московского Строительно-Технологического. Многие пошли в магистратуру, потому что хотят полноценное высшее, а не обкоцанный бакалавриат.

– Я хотела обсудить вопрос своего отчисления, Егор Васильевич. И получения на руки моих документов.

На самом деле даже странно, что меня не отчислили до сих пор. Это было большим откровением, когда я стала разбираться с этим вопросом.

Щелк-щелк...

Проректор смотрит на меня скептически и щелкает ручкой.

– Простите, – сама не знаю почему, озвучиваю я, – у вас, наверное, много дел, а тут я... Можно было обратиться в секретариат с этим вопросом, но... Просто вы проявляли ко мне большую лояльность, а я... Мне сложно было сюда прийти.

– Так вы, получается, все? – задумчиво интересуется мой собеседник. – Осознали, что архитектура не ваше, или в принципе решили обойтись без образования?

– Ну нет, – возмущенно округляю глаза, – вы дважды промахнулись, господин проректор.

Кажется, от слова «господин» у него насмешливо дергается уголок губы.

– Вы меня заинтриговали. Получается... Планируете дальше учиться? На архитектора? Не у нас.

– Ну... – у меня такое ощущение, будто ревнивый муж меня застукал с любовником, такой укоризненный у Васне-

цова взгляд, – я живу в Ленинграде сейчас.

– Ах, вот оно что, – Егор Васильевич цокает языком, будто раскусил вкусный орешек, – значит, Петербургский архитектурно-строительный. А знаете ли вы, что они всего лишь пятые в топе вузов по стране?

– А МСТУ – третьи. Ага. В курсе, – киваю, опережая эту агитационную кампанию, – но я уже все решила, Егор Васильевич. Они уже меня приняли. Только и нужно, что отвезти им документы.

Слово за слово. Аргумент за аргументом.

Удивительное откровение – МСТУ совсем не хочет меня отпускать. Меня. Хотя я, я, именно я являюсь в этих стенах персоной нон-грата. Жирным пятном на белоснежной репутации университета выпускающих талантливейших инженеров, гениальных программистов, потрясающих строителей.

Мы живем не в идеальной стране. Не там, где можно встать и сказать – я зарабатывала на лечение матери работая стриптизершей, вы не смеете меня осуждать.

Посмеют. Осудят. Плюнут за спиной, или предложат принять заказ на выпрыгивание из торта на чьей-нибудь днюхе. Да не просто так, а с последующим “обслуживанием”.

Нужно ли университету подозрение в поощрении проституции среди студенток? Да нет конечно. Отчисляют и за меньшее.

Но меня Васнецов почему-то пытается отговорить.

– Катя, еще чуть-чуть и я предложу вам почку в обмен на

то, что вы останетесь, – смеется он в какой-то момент.

– Не тратьте почку, я же говорю, все решила.

– Какие упрямые нынче стали женщины, – проректор смеется, а потом откидывается на спинку своего кресла, – хорошо, будь по вашему. Хотя мы так терпеливо ждали вас из академического отпуска. Так надеялись, что именно мы ограним алмаз вашего таланта...

– Лесть вам тоже не поможет, – покачиваю головой насмешливо. Он разводит руками, мол не мог не попытаться.

– Хорошо, Катя, мы разумеется выдадим вам документы, и примем заявление на перевод, – от этих слов у меня наконец сваливается камень с души. Я уже боялась, что он меня не отпустит. Думала – все круги ада придется пройти, для получения документов.

– Давайте так. Я позвоню в архив, чтобы они нашли ваше личное дело, – Васнецов говорит таким тоном, будто предлагает мне сделку, – а вы для меня тоже такую мелочь делаете.

– Какую? – подозрительно свожу брови над переносицей, – только не говорите, что уже мне за мой несчастный аттестат придется почку продавать.

– Ну что вы, – Егор Васильевич покачивает головой и ныряет ладонью куда-то под столешницу. Выкладывает на стол объемный томик в мягкой обложке, – мне всего лишь нужен ваш автограф!

Ох-х...

Да, вот к этому я еще не привыкла.

Как не привыкла тратить деньги на себя, а не только на необходимое.

Как не привыкла, что могут остановить на улице, со словами: “Вы же Катя Диамант. Я вас в книжке видела!”

Когда я выкладывала одну свою книжку в на ресурсе сам-издата, я честно говоря ни на что подобное не рассчитывала. А потом... Тысяча продаж уже на второй книге серии про Степу Нахлобучко. Приглашение на ДетективКон от издательства. Первый тираж – две тысячи копий. Допечатка еще на три...

Я настолько охренела от всего этого, на меня свалившегося и раскрутившегося за считанные месяцы, что и сейчас сижу с красными от смущения щеками, ватными пальцами вытаскивая из сумочки ручку.

– На чье имя писать? – поднимаю взгляд на Егора Васильевича, – на ваше?

– На Татьяну, – покачивает головой Васнецов, – на мое конечно тоже можно, я тоже поклонник. Но жена у меня уж больно ревнивая. Увидит не свое имя на любимой книжке и прости-прощай, супружеский долг, отдавать мне его никто не будет.

Пока я расписываюсь – а я репетировала вырисовывать красивые каллиграфически-прекрасные автографы гребаную неделю, Егор Васильевич атакует архив. И если по началу казалось, что все в порядке, то когда речь заходит о серти-

фикате на неоконченное бакалаврское – важная штука, чтоб мне автоматом перезачли часть дисциплин в новом вузе – тут вылезают сложности.

Я вижу это по серьезно нахмурившимся бровям проректора. По пальцам, застучавшим по столешнице с какой-то раздраженной резкостью.

Боже, Борис Леонидович!

Светлая вам память, кажется, до конца жизни буду помнить ваши уроки и читать людей по мимике.

Опускает трубку Васнецов отчетливо помрачневший.

Я чуть покачиваю головой идвигаю к нему книгу.

– Не волнуйтесь, автограф вырывать не буду. Что у нас не так?

– Сертификат обычно сдается в архив только по истечении трех месяцев со дня заявки, – Васнецов смотрит на мой автограф со смесью благодарности и негодования. Сердится, что не выполнил свою часть сделки. И пр-равильно! Я не злопамятная, но кое-кто обещал, что все мне решит за автограф!

– Так в чем сложность?

– Ваш сертификат сдан под роспись декану строительного факультета.

Егор Васильевич Васнецов – один из немногих, кто посвящен в мою историю очень глубоко. И он говорит эти слова с отчетливым пониманием, что мне эта информация не понравится.

А кому может понравиться информация о том, что придется контактировать с бывшим любовником? Да еще и таким мудаком, как Юлий Владимирович Ройх.

Он... Может, он и не домогался до моей подруги. Этот выплывший факт стоил мне собственно дружбы с этой самой подругой.

Но за время нашей короткой связи он вел себя со мной как с человеком от силы сутки. И те, с расчетом на то, что спит он с неразумной девочкой.

Может быть, через десять лет я буду вспоминать эту свою первую безумную любовь с умилением, а сейчас...

Мне просто стыдно, что я сходила с ума *по этому!* Вся и польза, что без него Каролинки бы не было.

Кир – ох, Кир ведь гораздо лучше! И ему и в голову не придет пихать мне таблеточки, чтобы последствий после секса не было. Все мы с ним обсуждаем на равных.

Ну...

Точнее я ему говорю, что пока не готова рожать второй раз.

Первый раз вышел спонтанным, необдуманным. Я до сих пор оглядываюсь назад и понимаю, как же сильно мне повезло. У меня не было жилья, не было образования, на первой работе я не проработала и года, декретные были очень скромными!

Если бы не Борис Леонидович, выбивший мне почти тепличные условия...

Если бы не мама, которая принесла мне ссылку на сайт коммерческого самиздата, со словами: А почему ты здесь не зарабатываешь?

Если бы не Паша из издательства, решивший сделать на меня ставку.

Да я бы даже сейчас о продолжении учебы не размышляла.

Мне просто бы не хватило денег на конкурсный проект, благодаря которому я попала в Ленинградский Архитектурно-Строительный.

Не исключено, что я бы сейчас сидела и вновь кропала курсовики на заказ, лишь бы было на что купить Каролинке подгузники.

Я выдыхаю из себя воздух. Потираю друг об друга вспотевшие ладони. Ладно. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Он сейчас на месте?

– Увы, нет, – Егор Васильевич покачивает головой, – Юлий Владимирович сегодня отсутствует по семейным обстоятельствам.

По семейным обстоятельствам.

Три года назад я бы взорвалась от этих слов. Мысли о его семье, о жене, которую он себе выбрал, разрывали меня на мелкие клочки.

Сейчас...

Спасают мысли о Кире.

Он обещал приготовить ужин сегодня. Нужно наслаждаться моментом, последняя неделя его отпуска пошла.

– Я буду в Москве еще несколько дней, – произношу, без спроса вынимая из специальной подставочки чистый листочек – когда Юлий Владимирович решит свои проблемы, пусть отправит мой сертификат курьером по этому адресу.

– Гостиница? – Егор Васильевич одобрительно приподнимает брови, увидив название. Да-да, понтуемся. А как еще, если под мой приезд издательство решило устроить мне встречу с читателями? За месяц, между прочим, приглашения рассылало!

– Да, – киваю, – можете оформить доставку за мой счет. У меня просто нет времени ездить сюда каждый день.

Да и не хочется.

Сколько бы не угорал надо мной Кир...

Я не хочу встречаться с отцом Карамельки. Хотя бы даже потому, что до сих пор не простила ему ту чертову таблетку. Таблетку, которая имела все шансы не дать Карамельке родиться на свет.

Глава 2. Юлий

М-м-мать. Мать-мать-мать-мать!

Я смотрю на часы и понимаю, что “легкое опоздание” уже вот-вот превратится в “сильное опоздание”. А если прикинуть, сколько времени нужно, чтобы закинуть Антона к няне и добраться до университета, я имею все шансы пролететь мимо назначенной встречи.

Может, хоть на ступеньках пересечемся?

Если нас впустят в кабинет хотя бы в ближайшие десять минут.

– Антипов, – школьный психолог выглядывает из-за двери, – ага. Привел отчима. Заходите.

– Ну, пойдём, – я поднимаюсь и нашариваю плечо Антона. Он...

Ну конечно, он никуда не хочет идти. Уперся пятками, напряжился.

– Ну нет, брат, – выдыхаю невесело, – так нельзя. За свои поступки надо нести ответственность.

Антон пыхтит и багровеет. Еще чуть-чуть и из ушей дым пойдет.

– Ты ведь понимаешь, что чем раньше мы зайдем, тем раньше свалим?

Антон зыркает на меня из-под тонких светлых бровок.

Мол, ну чего ты брешешь, знаешь ведь, что ТАМ мозг по-

лоскать могут как полчаса, так и час.

Знаю, увы.

Красноречие школьной психологини зашкаливает за все немислимые границы. В том и беда.

Снова обеспокоенно зыркаю на часы.

На мое счастье, третьей попытки увещевать Антона не требуется. Пасынок наконец-то оттаивает и решительно шагает к приоткрытой двери кабинета психолога.

Чтоб она треснула со всеми своими тридцатью тремя вариантами декольте! И пусть в ту трещину выльется излишек её болтливости!

– Юлий Владимирович, – Мария Аскольдовна уже, конечно, за столом. По уши в делах, когда мы заходим – поднимает голову, – мы стали часто видаться в последнее время.

– Разве можно сожалеть о лишней встрече с красивой женщиной?

Флирт получается вымученным, неуклюжим. Я на самом деле его из себя давлю, потому что точно знаю, что пара комплиментов сильно укорачивают обычно длительность наших “консультаций”. А искренность?

Да больно нужна этой возрастной разведенной матроне моя искренность!

Я оказываюсь прав – она кокетливо зашторивается густыми ресницами, начинает теребить кулончик, явно пытаюсь привлечь внимание к груди.

Так и хочется сказать: “Мария Аскольдовна, мы с вами

уже почти год плотно общаемся. С первого раза ваши достоинства вполне себе разглядел. И если не оценил, могли бы и смириться”.

Но я, конечно, не говорю. У нас вообще-то дисциплинарное взыскание. И если мы не будем ходить к психологу или испортим с ней отношения – нас попросят из этой гимназии. А этого мы не хотим.

Ну или... Я не хочу.

Тут углубленка по математике, индивидуальный подход, интересные проекты даже для начальной школы.

Еще в прошлом году Антону здесь безумно нравилось, он приносил домой дракончиков из пластилина и рисовал котов “как на уроках” на всех пригодных для рисования поверхностях. В этом году...

В этом году мы не сдали итоговые тесты. И потому сейчас, в начале июля болтаемся на дополнительные занятия, чтобы хотя бы со второй попытки этот переводной тест сдать. И не только на занятия...

– Мария Аскольдовна, я очень тороплюсь, мы не могли бы уже начать, – выдыхаю я, бросая очередной кислотный взгляд на часы. Минутная стрелка, кажется, возомнила себя секундной.

– Ох, ну конечно, конечно! – психологиня откликается моему настроению и откладывает в сторону листок, в котором явно описан сегодняшней инцидент. – Юлий Владимирович. Я знаю, что Антону не просто в этом году. Мы все

это понимаем. Но жалобы на его поведение не прекращаются. Сегодня он опять подрался. На уроке! Вы понимаете всю глубину проблемы?

Смотрю на пасынка, вижу, как он сосредоточенно изучает носки ботинок. Губы плотно сжал, явно сдерживает крик.

– Ну и? С кем на этот раз? – невесело интересуюсь я.

Выражение лица у психологини – самое скорбное. Плохо. Все очень плохо. Чую седалищем.

– Вы ведь знаете Веригина?

Сам слышу, как скрипят резко стиснувшиеся зубы. Да кто ж не знает мудозвона Веригина? Аж цельного мэра города Звенигорода. О нем знает каждый родитель, умудрившийся пропихнуть своего ребенка в московскую две тысячи сорок четвертую общеобразовательную. Потому что есть в этой школе те, кто прошли жесткий конкурс, как мы, а есть... Степочка Веригин, кусок дерьма на палочке, рассматривающий своих одноклассников исключительно как своих холопов и груши для битья.

Нам, увы, не повезло. Мы с ним в один класс попали. Я бился с директором за перевод в другой класс еще до начала зимы, но он только напомнил нам, что у нас испытательный срок и лучше бы нам не выеживаться.

А у Тохи со Степочкой конфронтация нарастала даже не от месяца к месяцу. А от дня ко дню.

– А он что, тоже не сдал переводные? – критически спрашиваю я.

Насколько я знаю, единственное, что не покупается в этой школе – это результаты экзаменов. У школы высокая планка, и всем шишкам, что хотят, чтобы их деточки получали хорошее образование, озвучено, что результаты экзаменов должны быть чисты от фальсификаций.

– О чем вы думаете, Юлий Владимирович! – психологиня театрально прижимает руки к щекам. – Ваш пасынок сегодня голову ему разбил. Швы пришлось накладывать.

Бросаю взгляд на мрачного Антошку. Тот сжимает кулаки, по-прежнему багровый. Раскаянья от этого парня ждать не стоит.

Интересно, почему Марина Аскольдовна смотрит на меня с таким выжиданием сейчас. Правда хочет, чтобы я вытащил ремень из брюк и покарал Антона прямо сейчас? Или достаточно погромыхать на весь кабинет, застыдить мелкого до слез? В этом случае кровожадность многоуважаемой госпожи психолога будет удовлетворена?

Обидно! Я-то так надеялся, что высокая планка этой школы гарантирует человеческое отношение среди учителей. Антону оно нужно. Однозначно больше, чем Степочке Веригину.

– Я думаю, Мария Аскольдовна, что вы преувеличиваете ущерб, нанесенный моим сыном, – нарочно выделяю слово “сына”, потому что вот это её нарочитое пасынок, отчим – она будто отчаянно пытается до меня донести, что это не мой ребенок, и я вполне имею право избавить их и себя от такой

тяжкой ноши.

Что ж, их я и избавлю.

Достали они меня за этот год.

Говорили про понимание много слов, но до демонстрации дело так и не дошло.

– Идем отсюда, – поднимаюсь из кресла и беру Антона за руку.

– Вы... Вы куда это! Мы же еще не обсудили извинения перед Веригиными... – лепечет Мария Аскольдовна мне в спину.

Я оборачиваюсь. Смотрю на неё в упор. Потом зажимаю уши Антону ладонями и в четырех словах объясняю, куда Веригину и его сыночку нужно запихнуть все свои влажные фантазии насчет наших извинений.

– Мы... Мы вас отчислим, – шепчет потерявшаяся от моей злости психологиня.

– Ни в чем себе не отказывайте, – роняю перед тем, как закрыть дверь. Хер его знает, успею ли я сейчас куда-то. Но терпеть вот этот весь цирк сил уже не было.

Кажется, с плеч Антона падает какой-то тяжелый груз. Стоит отойти от кабинета психологини, и он уже несется в сторону дверей вприпрыжку.

– На площадке меня жди!

Антон на бегу кивает головой – услышал, мол. Ну что ж, и то хлеб.

А я вздыхаю и поворачиваю по коридору налево. Глубины

преисподней – секретариат находится там. Ведь нельзя просто топнуть ногой и хлопнуть дверью.

Нужно и заявление написать, и документы забрать, сделать запрос на характеристику. Кто это сделает, если я не сделаю?

Хотя я представляю, какой будет та характеристика. Её ж Мария Аскольдовна и будет писать.

Судя по всему, весть о нашем скандале с Веригиными распозлзась во все стороны. Документы мне выдают быстро, приказ об отчислении Антона из этого элитного клоповника выписывают чуть ли не за пять минут. Кажется, они даже выпьют нам с Антохой на дорожку.

Матершина лютая, злая, булькает в моей груди, раскаляя с каждой секундой.

Не за себя обидно, не за ярлык «недостойные престижной школы», что к нам прилепится сейчас. Мы держались за эту школу как за якорь. Тихая гавань, тонкая ниточка к привычному миру, зона хоть какого-то комфорта. И тут...

Какой комфорт?

Наглому индюшонку дали в руки канистру и разрешили поливать Антошкину жизнь бензином. И плевать, что там и так-то все уже давно горит.

У нас с Антоном на диво разные оказываются настроения.

Я – иду от школы чуть ли не с ощущением сброшенных с шеи колодок.

Свобода!

Долой это дерьмо!

Пацан – насупленный, ерзает на своем месте, пока я устраиваюсь на водительском. Теревит ремень, зыркает на меня то так, то эдак...

– Ну что, может, расскажешь, как дело было? – спрашиваю спокойно. Хочется выстроить в голове картинку. – Как ты ему голову пробил?

Сзади доносится громкое сопение.

Кошусь назад – вижу, как Антон недовольно крутит туда-сюда пуговицу. Говорить не хочет. Ладно, попробуем навводящие вопросы.

– Ты его ударил?

Резко дергает подбородком. Нет!

– Бегал за ним с топором?

Тоха зыркает на меня как на чокнутого.

– Должен же я убедиться, что ты меня слушаешь, – фыркаю я, – а что тогда? Толкнул? Он ударился обо что-то?

Антон сжимает губы и покачивает головой.

Классика. В каждой школе найдется две дюжины историй, и в каждом классе будет минимум одна-две парты, окропленные кровью ранее учившихся.

Ладно, кажется, разговор не складывается. Надо уже ехать, а то... А то даже запах *её* духов из кабинета Васнецова выветрится.

– Этот жиртрест обзывал маму уродкой, – неожиданно сознается Антон.

Его голос звучит надломлено, взволнованно, в нем чувствуется концентрированная боль и злость.

И все-таки, нам нужен нормальный психолог. Тот, который сможет помочь Антону пережить эту потерю. Потому что я не вывожу – это очевидно.

– Мы с тобой ведь как-то говорили про это, – говорю, потому что не могу упустить момент, когда Антон еще не закрылся. Иногда после скандалов в школе он молчал и по два дня. Психолог советовал не упускать таких вот зацепов.

– Веригин не видел твою маму, Антош, – старательно истребляю в голосе все, что могло бы звучать как обвинение, – так что слушать его...

– Видел, – отрывисто бросает Антон, обнимая себя руками, – фотку в интернете нашел. На телефоне показывал. Издевался. Говорил, она похожа на лысую обезьяну.

На пару секунд в машине ничего не слышно. Только мои глубокие вдохи и выдохи.

И вот за это они предполагали, я должен был заставить сына извиняться?

Да я вполне готов добраться до Степиного папаши и написать ему путевку к его дорогому стоматологу. Да кто бы мне дал...

Я понимаю.

Понимаю, что враг не по моим возможностям, понимаю, что таким поведением разрушу карточный домик нашей с Антоном жизни, которая и без таких вот штормов ходуном

ходит и на соплях держится.

– Пусть скажет спасибо, что отделался двумя швами, – наконец произношу, и завожу машину, – ты молодец, Антоний. Ты защищаешь маму. Кто если не ты?

Мы наконец-то отъезжаем. Ужасно поздно, но я уже думаю об этом почти со смирением. Значит...

Слово “не судьба” не желает даже появляться в моих мыслях.

– Папа, – голос Антона еле-еле шелестит, как и всегда, когда он так меня называет, – а можно как-то ту фотку... убрать из гугла.

Тяжелый вопрос. Потому что на самом деле – это сложно, с учетом того, что рекламные мероприятия по сбору средств на очередной сеанс химиотерапии были грандиозными...

Интересно, какими весами отмеряется, кому от рака жить, кому умирать? Кто-то борется и умирает, кто-то бухает и живет абы как десятки лет подряд.

Вера была из тех кто борется. Сражалась до последней секунды жизни, лишь бы не оставлять Антона, но...

Жизнь – жестокая мразь.

И любит уязвимых пинать в живот ногами.

И ведь не защитишь от неё. Не убережешь. Все что могу – разбираться с уроном. Из раза в раз. Не успеваю предотвратить.

– Я напишу тому волонтеру, что занимался сборами для твоей мамы, малыш. Попробуем удалить, – обещаю устало.

Слышу с заднего сиденья облегченный вздох.

Конечно. Все уязвимые места умные божьи твари прячут. Под жестким панцирем, под колючими иглами. Обидно, когда карту больных твоих точек можно скачать без регистрации и СМС.

Радуюсь я зря. Примерно через семь минут Антон заговаривает снова. И на этот раз уже расстроено, почти со слезами в голосе.

– Ты на меня злишься? Из-за школы?

– Черт с ней, с этой школой, Антоний. Другую найдем. Получше!

– Тогда почему ты меня к Але везешь? – хнычет Антон и эмоционально начинает барабанить по кожаной обивке кулачками, – у тебя же отпуск. Ты говорил, не будешь ездить на работу. Что мы гулять будем. Играть.

Интересно, все десятилетки с родителей такой точный отчет спрашивают? Или это мне бонус за то, что приемный? Вечная проверка на вшивость и “не хочешь ли ты, папаша, в детдом меня отправить”?

– Я обещал все это, конечно, Антоний, – киваю серьезно, – но вообще-то предполагалось, что ты еще будешь и занятия посещать. Кто-то их сорвал сегодня. Не знаешь кто?

Пыхтение на заднем сиденье приобретает тональность “Мы ж обсудили все, и ты сказал что все в порядке. Чего начинаешь-то?”

– Мне совсем ненадолго надо в университет, малыш, – со-

знаюсь честно, – туда приезжает... один человек, с которым я очень хочу обмолвиться парой слов.

– Девочка или мальчик? – насупленно интересуется Антон.

– Девочка, – вздыхаю, с обреченностью.

– Как ты или как я?

А вот это, похоже, вопрос касаясь возраста.

– Где-то между нами, – сомневаюсь, что Антон понял принцип пропорции, но громкого и недовольного пыхтения с заднего сиденья становится в три раза больше.

Я с трудом удерживаю в себе слова: “Это просто встреча”.

Не к лицу оправдываться перед десятилетним пацаном, особенно – настолько фальшиво оправдываться.

Моя встреча с блудной Холерой никак не может быть “просто встречей”. Даже если мы просто в одной комнате молча постоим у противоположных стен.

А я хочу этой гребаной встречи отнюдь не для того, чтобы молчать. У меня к Катерине Алексеевне есть пара грандиозных вопросов!

– Не вези меня к Але, пап, – снова Антошка переходит на свой едва слышный словесный шелест.

– Тебе у неё нравилось.

– Раньше, – коротко откликается Антон, отворачиваясь к окну, – а сейчас она постоянно в инете сидит и орет, что я ей мешаю к экзаменам готовиться.

Вот черт!

Еще и бэби-ситтера нам придется менять, похоже.

Везти с собой на работу ребенка – плохая идея. Отвратительная идея – везти ребенка на встречу, которую он может сорвать. Но какой у меня выбор?

Впрочем, мой позор так и остается несовершившимся.

Когда я наконец выруливаю к университету – застаю на рабочей парковке только Егора, который, кажется, послал весь мир на пять минут и перекур себе устроил.

– Уехала Иванова, – не дожидаясь моего вопроса, сообщает он, когда я рядом притормаживаю, – деловая девочка стала. Не может ждать, пока ты изволишь найти на неё пять минут.

– И что теперь? – задаю один из самых глупых вопросов в своей жизни. – Вы договорились о второй встрече для вручения сертификата?

– Говорю же, девочка наша стала очень деловой фифой, – Васнецов криво ухмыляется и отправляет в небеса длинную дымную затяжку, – ехать второй раз не хочет, оставила адрес, попросила прислать курьера в гостиницу.

Пару секунд смотрю в пространство перед собой, потом передергиваю плечами.

– Адрес у тебя где, Егор?

Мой друг слегка закатывает глаза, но вынимает из кармана брюк четверо сложенный бумажный квадратик.

Курьер? Зачем курьер? Я сам отвезу Холере её документ. Задам ей все интересующие меня вопросы. А потом – от-

праздную с Антоном наше освобождение из придурочной школы.

Почему бы и нет?

Глава 3. Катя

– Ки-и-ир.

Этот измученный стон я издаю, как только вижу этого несчастного мужчину в дверях банкетного зала. Хнычу и тяну к нему руки. Требую спасения.

Виолетта, оформитель, которого издательство прислало для оформления зала под презентацию новой книги, вздыхает и поднимается. Какая она терпеливая.

Я уже минут двадцать не различаю оттенков зеленого, и абсолютно бесполезна как руководитель.

– Просто сделай красиво, ты же умеешь, я тебе только мешаю, – шлю ей вслед эту капитуляцию. Виа покачивает головой – не ври, мол, знаю, что ленишься.

Ну, может быть, чуть-чуть. Я переделала с утра кучу дел. Устала. Пережила стресс от перспективы встречи с Ройхом. Имею право на прокрастинацию!

Поэтому ручек не опускаю, настырно тянусь ими к подходящему Киру, чтобы видел – я почти в пучине переутомления. Тяните меня семеро!

– Эй, – Лисицын ловит мои ладони и улыбается широкой хитрющей улыбкой, – я сегодня уже катал на ручках мамзель Иванову. Ты опоздала, женщина! Я уже устал.

– Ты её потерял! – обвинительно округляю глаза. – Где моя дочь, сударь? Вы что, утопили её в этом вашем аквапар-

ке?

– Спит. Под присмотром твоей мамы, – Кир встает за спинкой моего кресла и опускает теплые ладони мне на плечи. Разминает их. Боже...

– Какой ты хороши-и-ий, – тяну я, стекая на спинку кресла безмятежным кисельком.

– Это, конечно, не то признание в любви, на которое я рассчитывал, – Кир ехидно дергает меня за прядку волос, – но так и быть, приму его как аперитив. Ты готова?

– А ты что, уже все приготовил? – спрашиваю из неги, потому что сильные пальцы Кира продолжают делать его грязное дело, мнут мои плечи, потихоньку переползая к шее.

– До полной картинке не хватает только тебя, – фыркает он, и его палец задевает особенно чувствительную точку. Ох...

– Уходи из бизнеса, – требую я, не разжимая глаз, – бросай все эти вина, которыми ты торгуешь, твое призвание – массаж. Ты озолотишься.

– А ты что, не будешь ревновать, если я буду ежедневно трогать разных женщин? За всякие неприличные места, – тон у Кира становится плутоватым, мурлычащим. Он явно переходит в режим обольщающего кота. И...

Знает ведь, что делает, это мой любимый режим!

– Ревновать – не буду, – проговариваю опасно, – буду сразу их убивать. Караулить у твоего массажного кабинета. Провожать до темной подворотни. И убивать. Я, знаешь, сколько

способов могу придумать?

– Ты пишешь пять книг в год. И в планах, если я правильно помню – еще сорок. Да, дорогая, я представляю, – фыркает Кир и вероломно бросает мою шею на произвол судьбы. Сползает вниз, чтобы обвинить меня руками и клюнуть губами в чувствительную точку за ушком.

– Боже, да ты даже побрился, – смеюсь и укладываю ладонь на свежую, гладкую от лосьона кожу, – у тебя точно сегодня в планах свести меня с ума.

– Было бы очень неплохо, – вздыхает Кир и снова целует меня в шею, на этот раз ниже, – пойдем наверх, заяц, а то я тебя прямо тут съем. Не кормленную. Слишком уж ты хороша.

– Ну, раз ты так приглашаешь...

Я поднимаюсь на ноги, позволяю длинным лапам Кира увлечь меня в сторону дверей. Спыхватываюсь, только когда мы уже вышли из банкетного зала и почти дошли до лифта.

– Меня Виа просила заказать шампанское для презентации.

– По телефону закажешь, – Кир как и всегда – демонстрирует чудовищную несгибаемость.

– Не-е-ет, – я выпутываюсь из его рук без особой охоты, но настойчиво, – какой по телефону? Ты мне к нему подойти не дашь.

– Не дам, – Кир кивает и снова привлекает меня к себе, сведя на нет пять минут старательных выгребаний, – потом

позвонишь.

– Потом? – фыркаю я ехидненько. – А что, мы сегодня не как обычно? По-быстренькому освободимся?

– Катя! – Кир говорит так ласково-ласково, но понятно, что он сейчас готов мне подсказать идею для нового детектива с убийцей. – Тебе никто никогда не говорил, что ты та еще заноза?

– Через одного, – я покаянно округляю глазки, – но я с тобой стараюсь быть лучше!

– Незаметно, – все тем же ласковым тоном сообщает мне Кир, а потом отвешивает мне шлепок ниже пояса, – давай бегом за шампанским твоим. А я пойду! Розы твои в окно выкину!

– Только попробуй! – возмущаюсь я, а потом перехожу на торопливую рысь.

Лечу не в банкетный зал, из которого мы только что вышли, а в общий, ресторанный зал, к барной стойке.

– Заказ примите по-быстренькому? – окликаю я бармена, возящегося с колкой льда.

Окликаю я бармена, а разворачивается-то ко мне клиент. Мужчина, высокий, темноволосый, сидевший спиной к дверям до этого.

Его улыбка – как ледяной шот водки, выпитой залпом. Прожигает насквозь, заставляет меня попятиться.

– И куда же ты торопишься, Холера?

Боже, он, что, и вправду вампир? И ни разу не метафо-

рично пьет кровь из своих студентов? Иначе почему ни единого седого волоса, ни залысин! Может, только пара мелких морщинок в уголках глаз добавилась...

Но они же, черт возьми, ни разу не убавляют ни фактурности, ни общей мужественной привлекательности Ройха. Боже, да мои глаза и сейчас тянутся к жилистой крепкой шее, кадыку, обрамленному белым воротником рубашки.

А Ройх смотрит на меня, опираясь на барную стойку локтем. Выжидающе смотрит.

А может, он в ж-ж-Железноводск пойдет, со своими ожиданиями? А что, красивый горный город. Даже трио бешеных мамзелей Ивановых выдержал в прошлом году.

Я будто чувствую его. Как лопается внутри меня шарик ледяного спокойствия, мой запасной резерв. Мне ведь нечего бояться. Абсолютно!

Я за эти три года словарь матерных слов до дыр зачитала. Точно знаю, как посылать далеко и надолго. И поскольку нету рядом Карамельки – я и не боюсь даже выразаться.

Впрочем, повода он мне пока не дал. Смотрит? Ну и пусть смотрит. Потом счет ему вышлю за посмотреть.

– Так пугать было совсем необязательно, – произношу сухо и разворачиваюсь к уже подскочившему ко мне бармену, – меня просили сделать заказ для завтрашней презентации.

– Разве я такой страшный? – летит от Ройха новая насмешливая подколка.

Ты – не страшный. Ты – предатель, Юлий Владимирович.

Мастер громких, ничего не стоящих слов и гуру изощренных ударов в спину.

Но если я скажу это вслух – я признаю, что ты для меня много значил.

Ни за что в жизни!

Сколько там у меня человек зарегистрировалось на презентацию? Посадочных мест – сто двадцать, но в прошлом году пришло почти в два раза больше народу, чем было заявлено. Стояли между столами, официантам проход закрывали.

– Бумажку дайте, я вам запишу количество бокалов для подачи, – прошу у бармена.

Со стороны Ройха начинает веять ощутимым недовольством.

– Так и будешь делать вид, что меня тут нет?

Я окидываю его холодным взглядом.

– А вы предлагаете мне восторженно завизжать и броситься вам на шею, Юлий Владимирович?

Он соскальзывает с высокого барного стула одним тягучим ленивым движением. Как удав. И оказывается рядом, аж за моим плечом. Не касается, но пробегает пальцами в паре миллиметров от голой кожи на моей руке.

– Да, именно это я тебе и предлагаю, Холера.

От мужского тела рядом дышит жаром, а меня саму – напротив начинает колотить мелкая нервная дрожь.

Как он смеет?

Как он смеет снова так себя вести, будто у него на меня договор купли-продажи?

Да еще и говорить вот так, с ощутимой претензией, от которой у меня кожу колет раскаленными иглами.

Разворачиваюсь к нему лицом, задираю подбородок с вызовом.

– Отойдите!

Темные глаза отчаянно пытаются сделать во мне сквозную дырку.

– А если не отойду?

Боже, я уже и забыла, как этот мужчина умеет меня бить. Какая у него категорически чугунная башка.

Безнадежно стреляю глазами за его плечо. Я бы не отказалась сейчас от огневой поддержки в лице Кира, но он не ходит за мной хвостом. Наверняка сейчас бокалы наполняет, а я...

– Нет твоего мажорика, да? – шепчет Ройх язвительно. – Некому спасти твою пятую точку от озабоченных мудаков, да, Холера?

Он знает про Кира. Откровение неожиданное. Я стреляю взглядом в сторону смежной с банкетным залом стены, вижу распахнутые настежь высокие двери. Мое кресло отлично видится с барной стойки.

Черт! Он что, так и сидел? И пялился? Как я говорю с Виа, как я обнимаюсь с Киrom? Бр-р! Озабоченный, мать твою! Хоть бы кто сказал. Я бы пересела!

– Папа...

У этого негромкого мальчишеского голоса оказывается магическое действие. Ройх неожиданно оказывается аж в полутора метрах от меня, и выражение его лица больше не напоминает лицо маньяка в стадии острого обострения.

А это у нас кто? Пресловутое «семейное дело»?

Парнишка, худенький и долговязый, с растрепанной шапкой светлых волос – спасибо мамочке за дивный генофонд – встает сбоку от Ройха и выкатывает на меня мрачный недовольный взгляд.

– Кто это?

По тону уже ясно, мне подписали приговор на ссылку в Сибирь.

Ну и ладно.

Семейные дела многоуважаемого Юлия Владимировича меня не касаются. Мне своих хватает. Именно поэтому, пока Ройх о чем-то договаривается с пацаном полупшепотом, я быстро-быстро пишу на листочке, подсунутом барменом, заказ на шампанское. Количество бутылок. Марку – попрличнее, не травить же любимых читателей бормотухой какой! У меня, между прочим, юбилей! Двадцатая книга написана, десятая вышла в тираж! Да и пить мы будем за счет издательства, ха-ха...

Я не слушаю.

Нарочно не слушаю.

Заставляю себя отстраняться от всех посторонних звуков.

Но они все равно долетают, влезают в уши, раскаленным пчелиным роем клубятся в голове.

– *Антоний, мы договаривались...*

– *Тут детская комната отстойная. Батуты для малышни.*

– *Пожалуйста, потерпи. Я выясню кое-что и мы пойдём есть мороженое.*

– *Я хочу с тобой.*

– *Нельзя со мной, малыш.*

Хороший папочка. Идеальный папочка. Прикормленный!

Я с ожесточением ставлю точку после указания, в какой номер звонить для выяснения вопросов. Двигаю бармену, а сама торопливо шагаю прочь. Быстрее. Быстрее к Киру. Пока он не остыл, пока я весь мир своей ненавистью не затопила.

Дышать уже сложно.

Обидно только одно – одновременно со мной, Ройху удастся заключить со своим сыночком перемирие. Парень тоже срывается с места и со скоростью напуганного кота уносится в сторону стеклянной двери, за которой высится детский городок.

И Ройх, конечно же, успевает сгрести меня за локоть.

– Мне казалось, что тебе нужен твой диплом до перевода, – сухо чеканит он, – моя информация устарела?

Боже, боже!

Идут года, растут леса, реки утекают вдаль, а Юлий Вла-

димирович Ройх – как использовал шантаж как средство дипломатии, так и использует!

– Как же прижала вас жизнь, Юлий Владимирович, – произношу холодно, – если вы уже даже курьером подрабатываете.

У него глаза вспыхивают жаркими кострами.

Что ж, хорошо, что есть какие-то неизменные вещи. И не только то, насколько сильно он меня бесит, но и то, насколько сильно я умею раздражать его. Меня всегда цепляло его равнодушие. Пусть ненавидит. Это меня устраивает.

– Нам нужно поговорить, – он произносит отрывисто, с большим усилием вымучивая из себя нейтральность.

– Нам не о чем говорить, – поправляю я, покачивая головой, – вы сейчас вынете мой сертификат из вашей дивной папочки, я его заберу, и до свидания. Меня ждут, между прочим.

Костры в его глазах полыхают сильнее. Я почти вижу, как взрывается в небо огненный столп его эмоций, как летят по ветру жгучие искры гнева.

А мне плевать. Я огнеупорная нынче! Какие чудеса творит с женщиной оскорбленная гордость – никаких романов описать не хватит.

– Выдели мне пять минут, – произносит сквозь зубы, – только пять минут. И я отдам тебе диплом, и избавлю тебя от своего присутствия.

– А я погляжу, годы вас не щадят, – кривлю губы, – раньше-то вас на всю ночь хватало. А сейчас пять минут. Сочувствую...

Скрип его зубов – музыка, что ласкает мою душу. Да, профессор, три года писательского мастерства отточили мои умения в искусстве пикировок. А два года с разбитым сердцем научили быть стервой, беспощадной к предателям. Год после знакомства с Киrom меня, конечно, смягчил, но наивной девочкой вновь не сделал. Мне и не хотелось.

Не нравлюсь, Юлий Владимирович?

Не стоило вам приезжать.

И забирать мой диплом тебе тоже не стоило.

Сделал бы вид, что нас с тобой не было, даже тех нескольких дней условного мира, от воспоминаний о которых пробирает невыносимая горечь.

Нет. Ты так не сделал. Ты зачем-то приперся!

Я придерживаю пальцами бирюзовый подол сарафана, опускаюсь на стул у ближайшего столика, чопорно удерживая спину. Осанка – тоже хороший инструмент показать, что собеседник тебе неприятен.

– Сертификат на стол, – требую, не теплея ни на градус, – я хочу точно знать, что вы не вводите меня в заблуждение.

Смотрит на меня, будто сам обвиняет во лжи.

Швыряет свою кожаную папку на стол практически с ненавистью. Выдергивает из нее сертификат, бросает между нами.

Я тянусь к нему, чтобы рассмотреть свои данные – хрен его знает, вдруг он мне впарит левую какую-нибудь бумажку, бегай за ним потом по всей Москве, чтобы свою забрать.

Фамилия моя. И имя. Это все, что я успеваю рассмотреть до того, как тяжелая ладонь падает на сертификат, прижимая его к скатерти.

– Прежде чем ты это заберешь, – Ройх шипит сквозь зубы, – расскажи мне, что это такое.

На стол поверх моего сертификата о неполном высшем падает три белых листа, пробитых степлером. Я без всякого интереса беру их в руки. Заглядываю. Безразлично кривлю губы.

– Это анонимный благотворительный перевод. Старость вас не щадит, Юлий Владимирович? Вы уже и буквы узнавать перестали?

– Я умею читать, – он переходит на рык, – и считать тоже умею. Это был единственный большой перевод за все время сборов. Такие не делают равнодушные.

– Повезло вашей жене, – я люблюсь собственным маникюром, – кто-то аж шестьсот тысяч ей на лечение перевел.

– Кто-то? – повторяет Ройх кислотным тоном. – Или, может быть, ты?

Тик-так. Тик-так...

Я почти чувствую его – движение времени, пробирающегося сквозь повисшее за столом молчание. Чуть изгибаю бровь.

– Мне, спонсировать терапию вашей жены? Да еще такими суммами? Зачем мне такие траты?

– Ну, допустим, чтобы плюнуть мне в лицо, хотя бы, – он цедит с откровенной злостью. Даже не верится, что когда-то этот мужчина утверждал, что готов ради меня на все. На любые жертвы! Реальность оказалась очень-очень жестокой.

– Каким же образом?

– Ну, что ты, девочка, даже не знаю, – скалится враждебно, – например, чтобы подчеркнуть, как у тебя все волшебно в твоей дивной новой жизни без меня. Что у тебя новый папик, получше. Такой, что ему даже денег не жаль выкинуть на твои ублюдочные капризы.

Усмешка проступает на моих губах.

Вот оно значит как.

Значит, он себя считал моим «папиком», получается?

Что ж, значит, я правильно сделала, что отправила эти деньги по обратному адресу.

Я могла бы вдоволь натешиться и все оставшиеся по периоду четыре минуты промаяться ерундой, требуя доказательств его заявления, а потом встать и уйти, но...

Не хочу.

У меня Кир в номере, и чем больше времени занимает этот разговор, тем больше мой мужчина на меня сердит. Поэтому я просто задираю с вызовом подбородок.

– Это все, что вы хотите мне предъявить Юлий Владимирович? Если дам вам ответ на этот вопрос – могу забрать

диплом и уйти с богом?

– Ответишь, и проваливай!

Кажется, он мечтает своими словами отхлестать меня по щекам.

Ну и ладно, кто же запретит ему мечтать?

– Что ж, – я поднимаюсь на ноги, гляжу на него сверху вниз, – да. Этот перевод сделала я. Но умерьте свой гонор, Юлий Владимирович, это деньги не папика. А мои. Все мои, до последней копейки. Я просто вернула то, что вы мне одолжили. В момент, когда вы в этом нуждались сильнее всего. Какие у вас претензии? Что я не взяла в расчет процентов?

Одолжили, да! Я принимала эти деньги, переступая через себя. Потому что он мне их швырял, считая шлюхой, которая за деньги обслужит по высшему классу. Просто молча кидал на карту. Если бы не необходимость операции для матери – я бы сразу отправляла их обратно.

И боже, как же хорошо мне спалось после того, как я отправила их ему обратно! А ведь это были деньги за целый квартал моей работы. Деньги, которых я не ожидала. Я была уверена, книги принесут мне копейки – как приносили чужие дипломы. Писала, чисто чтоб было «на булавки и на памперсы», а когда увидела, сколько денег внезапно упало мне на счет от портала, продающего мои книги – села и сидела минут сорок. В голове не укладывалось, что у меня получилось заработать эти деньги, просто... Просто тем, чем я обычно снимала стресс.

– Хочешь, чтобы я поверил, что ты все сама? Чем же таким ты заработала эту сумму? – Ройх тоже резко встает. Сидя, видимо, кипится не так интересно.

Мне даже почти не обидно, что он не знает. Ну, не знает и не знает. Пусть и дальше думает, что мои возможности заработать заканчиваются на пилоне и чужих курсовиках.

– В порядке исключения, я отправлю вам последнюю страницу своей налоговой декларации по почте, Юлий Владимирович, – остужаю голос еще градусов на двадцать, – исключительно потому, что больше не хочу наблюдать вашу физиономию в своем поле зрения. Надеюсь, это ликвидирует ваши вопросы. А теперь, извините!

Я выдергиваю сертификат из-под ладони Ройха резко. Ох, вот бы мне стало весело, если бы я его порвала ненароком...

Бегом отсюда, бегом! Подальше от предателя, который никогда в жизни не считал меня достойной. Быстрее к Киру, к замечательному, энергичному, такому доброму Киру!

Я несусь к гостиничным лифтам, не разбирая дороги. Не слышу ничего, что происходит за моей спиной. Поэтому, когда за мной в лифт вламывается Ройх – я оказываюсь не готова. Взвизгиваю, отшатываюсь, но он все равно толкает меня к стенке и нагло ловит лицо в ловушку своих ладоней.

– Почему. Ты. Ушла!

Он шепчет, а я торопливо нашариваю маленькую сумочку-кошелечек, что прикорнула у моего бедра. Так, а где тут у нас...

– Почему?! – кажется, это какая-то голодная тварь выдирается из Ройха наружу. – Почему не вернулась? Я ждал тебя.

Как вовремя мои пальцы смыкаются на округлом пластиковом корпусе. А вот и моя прелесть! Ура!

– Да-а-а, конечно, ты ждал! – скалюсь я яростно. – Так долго ждал, что женился через месяц!

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но я с бесконечным удовольствием с размаха впечатываю ему в шею электроды шокера.

Разряд!

Да, мне не хватало этой штуки в бытность работы стриптизершей.

Я не жестока, мне достаточно, чтобы он крякнул и пошатнулся от боли, освободил мне путь к расползшимся дверям лифта.

Оборачиваюсь уже в гостиничном коридоре. Смотрю на Ройха, багрового от ярости, держащегося за стену, но надо же – стоящего на ногах. Между прочим, предыдущие испытуемые валились на пол кулками.

А этот...

Ну, дышит тяжело.

Весь и ущерб.

– Не приходите ко мне больше, Юлий Владимирович, – произношу бесстрастно, – нас ничего не связывает. Я вам не рада. В следующий раз будете говорить с охраной отеля.

Быстро и решительно шагаю к двери нашего с Киrom но-

мера. Еще не хватало, чтобы он выглянул и увидел все это дерьмо.

Глава 4. Юлий

Иногда мир настолько охреневает от происходящего, что только и остается – цепляться за отдельные звуки как за якорь...

Дзинь – мягко позвякивают двери лифта, разъезжаясь на первом этаже.

Хлоп – моя собственная ладонь, что падает на шероховатую декоративную штукатурку стены, чтобы хоть какая-то опора была под рукой.

– С-с-сука, – безадресный выдох, чистая кипучая эмоция, которую просто необходимо вытолкнуть из груди.

– Извините, – мягкий женский голос звучит над моим плечом негромко, но настойчиво, – вы не могли бы не выражаться в общем холле? У нас здесь много посетителей с детьми.

Оборачиваюсь, вижу очень стройную русую мышку в темно-синем строгом костюме. На бейджике должность «администратор» и имя «Зоя». Девушка смотрит на меня с укоризной.

– Простите, – выдыхаю вымученно, – чувствую себя не очень. Вырвалось.

– Пусть больше не вырывается, – Зоя говорит со мной строго, как с ребенком из детского сада, но все-таки сменяет гнев на милость, – вы и вправду выглядите неважно. Вызвать вам врача?

– Не надо, – хрипло и отталкиваюсь ладонью от стены, на которую опирался, – я оклемаюсь.

Сказать легко. Только противная слабость от удара шоке-ром до сих мелко сводит мышцы. И черные точки эти в глазах...

Но мне надо вернуться в ресторан, там остался Антон, он до паники боится оставаться один. И отойти на несколько минут – ладно. А уехать, не дай бог, на скорой и оставить его одного...

Да, определенно, Холера обогатила свой арсенал новыми приемчиками.

Шокер... Надо же...

Чего не ждал, того не ждал...

– Вам водки налить? – услужливо подсказывает бармен, когда я тяжело забираюсь на высокий барный табурет. Пожалуй, слишком высокий для того, у кого такая тяжесть в ногах, но признать свою слабость мне оказывается невозможно.

– Только воды, – покачиваю головой.

Выпил бы на самом деле без оглядки, но я за рулем и с ребенком. Тоха уже видел в своей жизни отца-алкоголика, и слишком хорошо помнит, что это такое. Не буду вызывать у пацана лишний раз эти ассоциации.

Когда его папаша соблаговолил явиться в суд, на котором его лишали родительских прав – Антоний съежился в комочек между мной и Верой. Старался, чтоб «родитель» не заметил его совсем.

А для того, чтобы он осмелился заговорить с судьей, мы оба стояли с ним рядом. Спасибо тетке из органов опеки, что она и это попросила занести в протокол – что Антон биологического папашу до смертных колик боится.

Легко на помине – Антоний, карауливший мое возвращение у стеклянной стены детской комнаты, вприпрыжку несется через зал ресторана. Забирается под руку, обнимает за пояс. Беспокоился, птенец! И так по жизни тревожный, после похорон матери он стал паниковать из-за сущих мелочей. Я предпочитал даже в школу за ним приезжать за пять минут до конца урока, потому что если я опаздывал – мог потом полчаса искать, под какую парту в школе забился перепуганный Антошка.

– Ну что, братец, какое мороженое ты хочешь? С шоколадом или с карамелью? – мягко щиплю Антона повыше плеча.

Он отвечает не сразу. Молчит, пыхтит жарким дыханием мне в рубашку, а когда заговаривает наконец – о мороженом не говорит ни слова.

– Пап, а та тетя... Ты хочешь жениться на ней вместо мамы, да?

Вдох-выдох.

Воображение – гнилая паскуда, на скорую руку набрасывает перед внутренним взором эскиз в белых тонах.

Белый корсет, страстно обнимающий хрупкий девичий стан. Нежный пышный подол, кружащийся по кругу. Темные волосы под тонкой сеткой фаты. И сама она, подносит

к дивным своим губам нежный букет из незабудок. А губы смеются...

Ком в горле разрастается с каждой секундой все сильнее.

Просто потому что сложно представить невесту, которая будет красивей.

Я и три года назад так думал, но сейчас...

Казалось бы, что может произойти с девушкой за три года?

Она может поправиться, похудеть, заболеть, сменить стиль, неудачно покраситься.

А еще – она может созреть.

Как ягода вишни – налиться сочностью красок на всех волнительных изгибах.

Три года, жалких три года... И когда стервозная девчонка успела стать женщиной? Да еще и такой, от которой у меня в зобу все дыхание сперло?

Раньше просто её хотел, до озверения.

Сейчас – в считанные секунды очутился в шкуре ревнивого сопливого мальчишки.

И вместо нормального взрослого разговора... получил шокером.

Поделом!

– Папа, – Антошка пыхтит и теребит меня за рукав, – так что? Ты хочешь жениться на той тете?

Интересно, как дети это ощущают? На каком простейшем эмпатическом уровне это для него очевидно?

– Я бы хотел, малыш, – покачиваю головой, – но она не согласится.

– Из-за меня, да? – Антон мрачнеет еще сильнее. – Тетя Наташа говорила, что только дура согласится чужого приемыша воспитывать.

Ох, уж эта тетя Наташа из квартиры сверху...

Многодетная мамаша, которая и слыхом не слыхивала про планирование семьи, и с кулаками бросалась на наряд полиции, приехавший за её дебоширом-муженьком. Ей бы про свою семью думать, а не лезть в нашу.

Ладно, зайду к ней после того, как уложу Антона. Скажу пару ласковых.

– Нет, Антоний, – у меня выходит ухмыльнуться, но как-то кривовато, – думаю, ей-то ты бы как раз понравился.

– А чо ей тогда надо? – бесцеремонно интересуется Антоний, у которого все просто, как табуретка. И поди-ка ему объясни, что я и сам с удовольствием задал бы Холере этот вопрос.

Вместо ответа щекочу Антона в бок.

– Мороженое. Ты не выбрал. Или ты другой десерт хочешь?

– А тут есть? – Антон заинтересованно высовывает нос у меня из-под руки.

– Вон, целая витрина десертов, – киваю к дальнему краю барной стойки, – дуй, выбирать.

Боже, благослови сладкоежек. Их так просто отвлечь от

того, что на их неудобные вопросы кое-кто не хочет отвечать.

Черт бы побрал этот шокер.

Тело, испытывавшее шокирующие ощущения, еще некоторое время будет дергаться от каждого чужого движения.

А уж от вибрации телефона в кармане брюк я чудом не подскакиваю.

Что, неужели Холера так быстро прислала обещанную декларацию?

А нет.

Это Васнецов.

Птичка-обломинго тоскливо покрякивает у меня за плечом. Я отчаянно хочу замотать её клюв скотчем. У принятых три года назад решений обратной силы нет.

А Холера...

Она верно сказала. Нас ничего не связывает. Как бы меня ни бесил этот факт.

– Ну и как оно прошло? – Васнецов звучит так, будто уже готов выезжать, чтобы под покровом ночи вынести из гостиницы труп убиенной Холеры в каком-нибудь ковре.

Я стреляю глазами в сторону Антония, но он накрепко влип – наморщив лоб, отчаянно выбирает между клубничным чизкейком и яблочным пирогом. Это вечный выбор, он во время этих страданий ничего не слышит.

– Хреново прошло, – и все-таки я выкручиваю голос и спускаю почти до шепота.

– Не удалось поговорить?

– Ну, почему, – ухмыляюсь криво, – удалось. Только разговор пошел через одно место.

– Она показалась мне сегодня серьезной, повзрослевшей, – задумчиво роняет Егор, – неужели только показалось?

– Она ни при чем, – признаю неохотно, – это я... не сдержался.

– Ты? – удивленно произносит Васнецов.

Удивительный человек. Иногда мне кажется, что он обо мне слишком хорошего мнения. А ведь столько лет меня знает.

– Она была не одна, в гостинице, – мрачно откликаюсь, ломая пальцами зубочистку, – я это... не оценил.

Это, конечно, краткое описание спектра прошедших через меня эмоций. С самого начала, когда она тянула руки к тому мажористому утырку. В процессе, когда он прикасался к ней, разминал хрупкие плечи, прикрытые лишь тонкими ляпочками её сарафана, целовал...

Я даже не задавался вопросом, что она могла в нем найти.

Парня этого я видел в ресторане и до того, как он вышел в соседний зал. И официанточки от него млели, только так. Кажется, парочка чуть не подралась за право его обслуживать.

Если вывести деньги из уравнения, на стороне нынешнего кавалера Холеры однозначно была молодость и независимость. И я не мог этому ничего противопоставить.

Внутри – темно и голодно. Мне бы сейчас Холеру, я бы выпил её кровь до последней капли. Она сделала выбор, я сделал выбор...

Только Антошкина светлая макушка и помогает уцепиться и удержаться от очередного приступа ярости. Я помню, что выбирал. И сразу понимал, что обратного пути не будет.

– Может, и хорошо, если она не вернется, – устало замечаю, – пока она у нас училась, было даже слишком весело.

– Ну, конечно, – саркастично парирует Васнецов, – конечно, хорошо. Хорошо, что автор проекта, который можно подать на президентский грант, выбирает другой университет. Ну и сколько годных абитуриентов после её победы зимой рванет поступать в СПАТУ, а не к нам?

Да, я знаю, на что он надеялся.

На то, что я уже переболел.

На то, что я выкручу на максимум обаяние и дипломатичность и залью Холеру медом по самые уши, чтобы она не забирала документы из МСТУ.

Потому что мы оба видели конкурсный проект, благодаря которому Холера этой весной засветилась на одном из федеральных студенческих конкурсов. Амбициозный, дерзкий, смелый проект, сделанный на конкурс «ЭкоСтолица». Пусть сыроватый – но проработай, углуби, отшлифуй – и хоть завтра носи в Москва-Сити, соблазняй инвесторов.

– Чего ты хочешь от меня, Егор? – спрашиваю отстраненно, сдвигаясь ближе в сторону кассы. Там Антон уже выбрал

пирожное, и бармен его даже уже ему подал вместе с маленькой ложечкой.

– Юл, мы оба с тобой знаем, что ты можешь уболтать кого угодно, если захочешь.

– Если захочу! – подчеркиваю бесцветно, оплачивая счет за десерт.

– Так захоти! – в голосе Васнецова начинает греметь гром. – Умная девочка, роскошный проект сотворила. Ты что думаешь, университет согласен упускать премиальные инвестиции?

– Да нет, не думаю, – откликаюсь невесело, – но она забрала диплом. У нас больше нет официальных поводов с ней встречаться.

– А неофициальных ты, конечно, придумать не можешь? Могу. Но не хочу.

Просто потому, что сегодня хлебнул больше ядовитой горечи, чем могу осилить.

Потому что еще три года назад решил – как вышло, так вышло. Она – ушла. Я не смог объяснить ей свою ситуацию. Значит, нет никакой необходимости жалеть об упущенном.

Я и тогда не смог примириться с мыслью, что Антон может попасть в детский дом, а сейчас...

– Так, а за получение сертификата она расписывалась?

– Это ты должен был дать ей тот журнал, – напоминаю я.

– Да-а-а?! – у Васнецова, нужно сказать, первоклассно получается отыграть удивление. – Какой же я забывчивый, ока-

зывается. Вылетело из головы. Но ты ведь сможешь завести его ей.

– Ты тоже можешь, – хмуро парирую я, а Антон тянет меня за рукав и показывает какой-то разноцветный флаер. Что он там насмотрел? Цирк, что ли, какой?

Я тянусь за цветной бумажкой.

– У меня нет твоих рычагов, Юл. Не ко мне эта девочка была равнодушна. Не из-за меня она переводится. И потом, я уже пытался её уговорить. Не вышло. Так что давай. Заедь ко мне за журналом, и официальный повод для встречи у тебя есть. А что касается новых контактов...

– Не надо новых контактов, – перебиваю Васнецова, до того, как он сдал мне все пароли и явки.

Будь у меня новый номер Холеры – я ведь непременно ей позвоню. А я еще эту порцию ядовитой тьмы не переварил.

– Ты знаешь, как с ней встретиться? – удивленно переспрашивает Васнецов.

– Ага, знаю, – откликаюсь эхом и добавляю быстро, – мне нужно ехать, созвонимся завтра.

Наверное, я сбрасываюсь слишком резко.

Пусть.

Просто еще чуть-чуть – и Васнецов услышал бы, как предательски скачет у меня голос.

А он... Он уже начал садиться, как только я рассмотрел флаер поближе.

– Это она, да, пап? – Антон снова и снова дергает меня за

рукав. – Её Катя зовут, да?

– Да, малыш, – ему отвечаю обреченно.

Там на флаере стоит в обнимку с книжкой она.

Красивая настолько, что взял и придушил бы.

«Катя Диамант – презентация новой книги серии «Детектив Нахлобучко».

Завтра.

В этом ресторане.

Интересно. Неужели на её книги будет большой спрос, чем на её грязные танцы у пилона?

Глава 5. Катя

Вот кто сказал, что просыпаться от прикосновений романтично? Просыпаться от прикосновений – щекотно. Что бы это ни было! Впрочем, если не начинать визжать прям сразу – и расслабиться...

– М-м-м, это что?

– А ты угадай!

Кир над моей головой бесстыже смеется и продолжает щекотать мне лопатки. Кисточкой? Пальцами? А так, розой же!

– Верни мой цветочек в вазочку, он завянет, – мрачно бурчу я, но шевелений активных не проворачиваю, не стимулирую.

– Ну, в смысле завянет, ты же потрошишь букеты всегда в первый же день. Ванну с ними принимаешь. – Кир снова начинает рисовать извилистую кривую по моей спине. Начинает всегда от шеи, заканчивает у копчика.

– Принимаю, – мурлычу я, неспешно потягиваясь, – ты не запретишь мне красиво жить, Лисицын.

– Ты халтурно красиво живешь, – Кир фыркает и, дурачась, шлепает меня бутоном розы по плечу, – где ананасы в шампанском? Где рябчики в мандариновом вине? Где бассейн из верблюжьего молока?

– О, так ты уже составил план работ? – улыбаюсь я. – Это очень хорошо, можешь приступать к его реализации.

– Слушаюсь и повинуюсь, – неожиданно Лисицын решает поддержать мое дурачество и, соскочив с постели, улетает в гостиную.

Ну, эй! Я в возмущении! Я, между прочим, рассчитывала на все полагающиеся доброму утру бонусы!

К моему разочарованию – Кир не возвращается. И даже начинает говорить с кем-то по телефону.

Смотрю на время – и вздыхаю. Презентация в час, сейчас – восемь тридцать. Честно говоря, для бонусов уже и времени-то нет. Только и времени – позавтракать с мамой, покормить Карамельку. Максимум, что мне светит успеть до этого – утянуть Кира с собой в душ. И то все будет «по-быстрому».

Будто подслушав мои мысли, из гостиной доносится радостный голосочек моей малышки.

– Мама, мама, кусать, кусать...

Облом. Обойдусь без душа. Моя рыбка хочет «кусать», и горе всем, если мы её не накормим.

Тут уж кровь-неволя – приходится выползти из-под одеяла и спрятаться в халат. В платье для презентации я пока не полезу, увы, я знаю способности Каролинки – она во время завтрака может обстрелять пюре из брокколи всех в радиусе двух метров от стола.

Выхожу в гостиную, застаю тут пляшущую у кресла Каролинку и маму, что сидит в соседнем кресле с несколько ослабленной улыбкой и избегает смотреть на Кира, который стоит у окна и что-то там вдохновенно втирает по телефону.

Я бросаю взгляд на него и, смущенно ойкнув, улетаю обратно в спальню за вторым халатом. Набрасываю его на широкие плечи своего мужчины, пряча от глаз любопытных горничных его исцарапанную спину.

– Подслушиваешь? – фыркает Кир, когда я обнимаю его за пояс, сводя полы халата на рельефном животе.

– Заметаю следы, – сообщаю шепотом ужасной преступницы. Потому что, может быть, мне и самой чуть-чуть неловко.

– А-а, – Кир фыркает и вешает трубку гостиничного телефона, – не хочешь всем показывать, что вчера чуть не сняла с меня кожу живьем?

– Вот если бы тебя можно было за деньги показывать, – мечтательно вздыхаю я, – и то бы не согласилась. А за бесплатно – пусть тем более обломаются.

Мама тихонечко улыбается. Никак не комментирует. Она вообще говорит гораздо меньше, чем было до комы – но все-таки говорит. Борис Анатольевич говорил, что это естественно. Потому что кома – это неизбежный урон для мозга.

– Эй, давай садись за стол, – Кир щиплет меня за бедро.

– Сейчас завтрак привезут.

– Ну, вот и устраивайся поудобнее. И Карамелину устрой. Не собираешься же ты за три часа до своего триумфа сама стол накрывать?

Ну, вообще-то я собиралась как раз. Не люблю горничных в гостиницах, не люблю, как они вечно облизывают Ки-

ра глазами.

Да, красивый, да, мускулистый, да темноглазый. Вот только этот паршивец с лисьими глазами мой! Это меня он в прошлом году в пять утра поднял таким стуком в дверь, что было странно, что он её не вынес. Это у меня и у мамы заодно чуть не случился инфаркт, потому что из-за двери нам грозили судами и разорением, потому, что я якобы топлю его величество. Это я его потом чуть не избил огромным букетом роз, который ожидал меня за дверью. И повезло ему, что Карамелька моя не проснулась от его концерта. А то парой карапин эта лисья рожа бы не отделалась.

И вот, после всего этого, чтобы я и позволила какой-нибудь тощей телочке в коротеньком платьишке сервировать для Кира завтрак? Наклоняться в его сторону вырезом декольте, да еще так, чтобы юбочка поднималась еще выше?

Да щас!

Пусть закатают губешки и роняют слезки за закрытой дверью!

Но вот сейчас, он какой-то таинственный-таинственный, загадочный-загадочный. И сразу видно, спорить бесполезно.

В такой ситуации мне остается только сдаться. Сесть за стол и приготовиться к худшему.

В конце концов, сюрпризы от Кира, они... бывают очень разные.

Чем дальше в лес – тем веселее волки.

Пока нам поднимают завтрак, Кир успевает смотаться в

спальню и даже нормально одеться. И выйти ко мне при всем параде – черные брюки по фигуре, белая рубашка, галстук бабочка в красную клетку.

– Если бы не галстук, я бы подумала, что ты собираешься сообщать мне что-то плохое, – замечаю я, нетерпеливо постукивая по столу пальцем.

Кир приостанавливается у зеркала, критично изучает галстук.

Кажется – чисто из вредности врожденной думает сейчас ударить по лбу и возопить что-то вроде: Ах, прости меня милая, что ввел тебя в заблуждение. Я умираю! Вот тебе мои ужасные новости!

Честно говоря – с несерьезностью он иногда перегибает. Может выскочить из ванной голышом, намалевав себе пеной для бритья на груди какую-нибудь рожу.

Но...

Строго говоря...

Этот недостаток я ему вполне прощаю.

Просто попросила на всякий случай в следующий раз надевать трусы. А то мало ли там кто... У меня, в конце концов, мама, да и Каролинка – она, конечно, ничего не запомнит, в таком возрасте, но чем черт не шутит!

– Мама, на учки, учки...

Каролинке надоело трясти попой у кресла – она толкнулась и долгой перебежкой пронесится ко мне, цепляясь теплыми ладошками за колени.

Уговаривать меня не надо. К моей сладкой плюшке у меня всегда по умолчанию распахнуты руки, и губы готовы целовать эти сладкие щечки. И носиками потереться мы тоже любим. И защекотать мою вкусную конфеточку.

Два года прошло, а я никак не наиграюсь.

В любой непонятной ситуации – начинаю тискать.

Мать-маньяк, вот она кто я!

Мелочь радостно пищит – явно соскучилась за вчерашний вечер, как и я. Вот как вообще какие-то мужественные женщины умудряются отдавать своих шестимесячных малышей в ясли, по кой-то черт бегать на работу. У меня за двадцать четыре месяца с Карамелькой никак запас умиления не закончится. Скважина у меня там, что ли? Если да, то какой глубины? С Марианскую впадину?

– Сеньоры и сеньориты! – Кир прокашливается над нашими головами, требуя внимания. Мы с Каролинкой затихаем, делаем вид, что мы не вот эти громкие хулиганки, что бесятся за столом, нет-нет, вам показалось. Мама заинтересованно склоняет голову к плечу.

– Надеюсь, вы не возражаете против сладкого завтрака? Вы все так обворожительны, что не вам бояться лишних калорий!

На самом деле – Кир мог бы не тратить время на красноречие. Карамелина услышала уже про главное достоинство завтрака и начинает нетерпеливо дрыгать ножками, не слезая с моих колен, восторженно мурлыча себе под нос:

– Съядко, съядко...

– Горе тебе, если у тебя нет ничего, чем может подкрепиться моя Конфетка. Мы тебя съедем тогда, – я посылаю Киру предупреждающий взгляд, но он не ведет ни ухом, ни усом. Не боится!

– У меня есть все. Только совесть, как всегда, в спящем режиме, – провозглашает он гордо и распахивает дверь перед горничной с сервировочным столиком на колесиках. Выражение лица у него такое – будто английскую королеву пускает в наш номер.

– Ва-а-а-а, – Карамелька заходится восторженным возгласом. И я в принципе с ней согласна. Потому что привезли – красивое.

Для Карамельки – красивая розетка на тонкой ножке. В ней – взбитый йогурт и кусочки вишни и черники. Так... Главное мне эту красоту подальше отставить. Все равно кормить с ложечки буду, так хоть розетка выживет. Она того стоит!

Для меня...

– Эй, ну у меня же слипнется, – смеюсь, принимая из рук Кира блюдечко с песочной корзиночкой. Маме полагается почти такое же, только мое пирожное украшено клубникой, а мамино – вишней.

– Ну, если слипнется, мы с этим вместе разберемся, милая, не переживай, – Кир подмигивает мне и улыбается похабно. Эй, ты чем там разлеплять собрался, нахал?

Выставив горничную за дверь, Кир занимает свое место за столом, но садиться не спешит. И вот тут я понимаю, что вместо чашек с кофе на столе вообще-то шампанское.

Шампанское и чашка молока для Каролинки.

– Катерина, – Кир прокашливается и явно очень старается, чтобы его голос звучал как можно пафоснее, – в этот знаменательный день...

– Секундочку, пожалуйста, – виновато стреляю глазами к Киру и поворачиваюсь к маме. Она тянется за своим бокалом осторожно, явно очень надеясь, что я не замечу, как трясется у неё мелко правая рука.

– Держи, – осторожно вкладываю бокал в мамины пальцы, – мамуль, не стесняйся просить, пожалуйста.

Она кивает, но я знаю, что в следующий раз снова придется это повторять. Она так отчаянно переживает, что мне приходится о ней заботиться, что совершенно забывает себя беречь.

Будто если она о себе не позаботится и с ней что-то случится – как-то облегчит мою жизнь.

– Я слушаю, Кирюш, – снова разворачиваюсь к несчастному своему парню, что терпеливо ждет, когда я обращу на него внимание

– В этот знаменательный день, – Кир старательно пародирует голосом сову из Винни-Пуха, явно чтобы мне было пошумнее, – я хочу попросить тебя, чтобы ты...

Это происходит почти мгновенно.

Карамелька, которой явно надоело ждать, пока взрослые натреплются перед тем, как её накормить, делает то, что делает всякий разумный голодный человек. А именно – нападает на еду.

Вот только розетку-то с её йогуртом я отодвинула. И как быть?

А зачем на йогурт, если есть мамкино пирожное?

Нежный крем издает мягкое причмокивание.

Я перехватываю Каролинку поудобнее, отрываю её от своей корзиночки, в креме которой теперь отпечатался курносый Карамелькин носик, встряхиваю.

Только...

Что-то я определенно делаю не так.

Потому что моя мелкая тут же наливается алым, и начинает судорожно хватать воздух ротиком.

Подавилась!

Мои инстинкты быстрее мыслей. Это мозг там пока высчитывает, а чем там могла подавиться девочка в простейшем из пирожных, а мои руки – уже делают свое дело. Как там было у Комаровского? Наложить кулак на точку солнечного сплетения, резко надавить...

Бздынь!

Что-то маленькое, блестящее вылетает у Каролинки изо рта, и падает на тарелку с останками пирожного.

О...

Я замираю, глядя на золотой ободок, так скромно легший

на белый фарфор. Глажу хнычащую от неприятного приключения Карамельку по голове, а сама – поднимаю глаза на сконфуженного Кира. Кажется, такую цепочку событий он не просчитал.

– Это то, что я думаю? – спрашиваю... осторожно. Кажется, сапер и тот бы прикасался к проводам с меньшим трепетом, как я сейчас – задаю вопрос Киру.

Кир практически всегда очень быстро восстанавливает самообладание, но сейчас...

Смотрит на меня, смотрит на Карамельку, которая сердито пыхтит на коварное пирожное.

– Извините, дамы, я на минутку, – улыбка у него выходит какой-то дежурной. Уходит в спальню.

Я будто слышу, как из воздушного шарика тонкой струйкой из невидимой дырочки выкачивают воздух. Судя по всему, это решимость Кира на мне жениться. Или что-то другое? Переглядываюсь с мамой, и поднимаюсь, поудобнее перехватывая Карамельку.

Оставлять её тут сейчас – все равно, что козырной туз возвращать обратно в колоду.

Кир в спальне находится у высокого панорамного окна. Стоит, прижавшись лбом к стеклу, сцепив руки на затылке.

Мда, а я-то думала, что сильнее его испугалась...

Когда Киру было двенадцать, у него погиб младший брат. Маленький младший брат, по глупой случайной выходке. Он поставил меня перед фактом, когда мы обсуждали вопрос,

можно ли мне с ним оставлять Каролинку. Мать винила его. Хотя я... Выслушав максимально сухой пересказ Кира, который вообще-то и сам себя винил – я думала, что изменить он ничего не мог.

Мы были осторожны. Я была осторожна. Приучала Каро к Киру, следила за ним. И видела, что внешняя его безалаберность как будто отключается, когда он берет Каролинку за тонкие пальчики. Он натурально носится с ней как с писаной торбой. Боится облажаться, даже не потому, что боится разочаровать меня, а просто потому что!

И вот! Что имеем – то имеем. Я понимаю, что за страхи сейчас всколыхнулись внутри него.

Он уже говорил, что хочет и своего ребенка, но панически этого боится. Боится снова стать причиной беды.

У нас все только-только начало получаться. Он только-только начал нормально оставаться с Каро больше чем на полчаса.

А тут такое!

– Каро, смотри, кто тут у нас? – мурлычу я, переходя на крадучий шаг.

– Дядя Кий, – радостно тянет моя малышка и тянет к Киру лапки. Потому что «дядя Кий» – это у нас и покататься на спине, и поиграть в собачек, и полетать до потолка. Да и ладошками по плечам поколотить, как по барабану – тоже весело.

– Дядя Кир расстроился, что мамина Конфетка подави-

лась, – тяну я неторопливо и глажу Кира по его напряженной спине, – дядя Кир думает, что Конфетка на него обидится. А что думает Конфетка?

Нужно отдать Каролинке должное – она девочка от природы своей. Она нацепляет на себя задумчивую рожицу, сурово сводит губки бантиком, а потом звонко взвигивает: «Неть» и заливисто смеется, тянется, чтобы повиснуть на плечах Кира.

Я слышу, как он пофыркивает. Все еще сердито, все еще недовольно, но оттаивая довольно быстро. Тридцать секунд – и он уже поворачивается, стаскивает Каро со спины, чтобы запихнуть себе под мышку и сгрести за талию меня.

С ним рядом так тепло...

Будто весна решила взять выходной и погостить у меня лично.

– Давай вернемся, – шепчет Кир мне на ухо, – я в норме. Хочу продолжить.

– Точно хочешь? – я включаю испытующий тон. – А то смотри. Такой шанс соскочить и прикинуться, что передумал.

– Давай-давай... – меня настойчиво подталкивают к выходу в гостиную. И зачем все это было? Правильно – лишний раз пообниматься.

Мама – вот молодец, в кои-то веки не ждет, а неторопливо, чайной ложечкой отщипывает крем от своего пирожного. Ну и правильно, они, как показала практика, не особо живу-

чи. Надо есть, пока можно, а не то съедят за тебя.

– Катюш... – Кир с очень красноречивым лицом отодвигает от стола стул. Ох, божечки...

– Одумайся, Лисицын, – я издаю мученический стон, но... Но приземляюсь пятой точкой на стул. Выпускаю Карамельку и она, топая как слоненок, перебегает к бабушке, и тут же получает от неё ягодку из пирожного. Бабушка её ужасно балует.

А я... Я переплетаю пальцы на коленях.

Блин, наверное, стоило надеть что-то кроме гостиничного халата. А то... Кир-то роскошный...

Роскошный Кир проходится по волосам ладонью.

Роскошный Кир берет с тарелочки ожидающее своего часа кольцо.

Роскошный Кир опускается на одно колено.

– Я планировал столько тебе сказать, заяц, – он вздыхает глубоко и с сожалением, – но кажется, я все слова растерял в суматохе. Поэтому просто спрошу. Ты выйдешь за меня?

Смотрю в его глаза, серые, бесконечно теплые.

Вспоминаю, как он встречал меня на пробежках.

Как, возвращаясь из долгих поездок, всегда заходил ко мне, чтобы выпить кофе и поболтать.

Он прошел по пути от звания придурка-соседа до отличного парня, который очень мне дорог, за несколько месяцев. Первый мужчина за два года, который смог пробиться сквозь все мое сопротивление. Отогрел. Успокоил. Научил

доверять.

Конечно же, я за него выйду.

Это меньшее, что я должна для него сделать.

Глава 6. Юлий

– Бог ты мой, какая встреча!

Как бы не старалась Снежок сделать свое появление незапным – у неё никогда не получается. Слишком нежный голосок, слишком хрупкое виденье. Напугаться её – все равно, что напугаться настоящую снежинку. Можно, только если что-то реально не в порядке с головой.

– Откуда ты здесь? – спрашиваю, критически оценивая количество народу, ожидающих в холле, пока откроются двери банкетного зала.

Много. Очень много. Настолько много, что хрен его знает – удастся ли добраться до Холеры со своими «деловыми вопросами».

– Ты шутишь, что ли? – Снежана округляет хрустальные свои глаза. – Это я создала этого демиурга. Я её мотивировала. Понятия не имею, имело ли это значение, но мне безумно в кайф видеть, насколько она поднялась за такой мизерный срок. Иные ведь годами нарабатывают аудиторию, а Катюшка – вызвала просто нереальный ажиотаж.

– Понятно, – отстраненно откликаюсь я. Внутри пустеет еще сильнее.

Бешеный ажиотаж, значит. Значит, она и вправду могла перечислить Вере деньги от себя, а не от папика. А я вчера ей наговорил...

Снежана чутко улавливает мое настроение и почему-то воспринимает его на свой счет.

– Я хотела тебе сказать. Еще в прошлом году, между прочим, – бурчит она недовольно, – ты сказал, что тебе неинтересно.

– Я помню, Снежок.

Сказать бы ей, что я все помню. Каждое упоминание Холеры по имени в моем присутствии, каждый вопрос о ней от преподавательского состава. И если коллегам можно было отвечать фактами, коротко и по сути, то с теми немногочисленными друзьями, что были в курсе истинных отношений между мной и моей студенткой – объясняться было сложнее. И просить, чтобы они не говорили мне ничего о ней, даже если новость будет грандиозная.

Все что надо я знал. Жива, здорова, работает. Большое количество информации грозило мне срывом – я это понимал. И если бы сорваться можно было без оглядки...

Я вот со вчерашнего дня узнал слишком много о ней. И понятия теперь не имею, как буду удерживать себя на поводке. Мысли об обязательствах помогают, увы, не всегда.

– А где твой верный оруженосец? – Снежка оглядывается в поисках Антона. – Неужели до сих пор в школе? У вас все еще беда с экзаменами?

– Антоний у бабушки, – откликаюсь я чуть поживее, – мы послали школу. Достали они нас.

Снежок сочувственно вздыхает, гладит меня по плечу.

Она в курсе нашей ситуации, очень переживает.

У дверей зала для презентации появляется мордатый охранник – типичный секьюрити.

Народ начинает оживляться, шуметь, подтягиваться вперед.

– Первыми заходят блогеры и представители СМИ с приглашениями от издательства, – охранник резко обрубает общественные розовые иллюзии, что всех сейчас быстренько пропустят.

– Пойдем-ка, Юл, – Снежана хватает меня за локоть и тянет к дверям ресторана. Чем ближе к ним, тем гуще там толпа, но перед Снежкой, держащей перед собой яркую разноцветную карточку приглашения, словно кинжал, народ расступается.

Охранник оказывается настолько дотошен, что даже заглядывает внутрь приглашение.

– Оно только на вас, – мрачно отмечает он и бросает на меня косой взгляд, – а это с вами кто?

– Мой плюс один, – не моргнув и глазом, отбрасывает Снежок, – вы что, хотите сказать, что я не могу провести с собой друга? Да вы знаете, кто я? Хотите скандал?

Удержать на лице серьезную мину, на самом деле сложно.

Я знаю Снежку – эту милую фею, с этим её девичьим тонким голосочком. Да, она блогер, обзревает книжки, читает вслух и готовит смачные вкусняшки для видео. Но я видел, как она снимает эти свои видео для блога. Она всегда улы-

бается, всегда спокойна, никогда не повышает голоса. И после этого слушать от неё воинственные обещания устроить скандал – очень смешно.

Охранник же, судя по mine – видел дохрена блогеров и невысокого мнения о них. Таким проще подыграть, чем спорить.

– Проходите, – пасмурно бурчит он и кивает следующему человеку, тянущему к нему приглашение.

– Ну, скажи же, что я молодец, – минуту спустя, когда мы устраиваемся за столиком в первом ряду щебечет Снежка, – черта с два ты бы смог к ней подойти, если бы не я. В прошлом году у Катюшки было полно народу на презентации.

– Ты не молодец, Снежок, ты – просто сокровище, – проговариваю я, хотя на самом деле понимаю – я попал.

Место в первом ряду. С отличным видом на Холеру.

Надо было посылать Васнецова на этот дебильный третий тур переговоров.

Я все еще надеюсь, что что-то произойдет такое, что я удержусь.

Может быть, она будет одна.

Может быть – будет выглядеть плохо.

Ты ведь видел её вчера, плохо – это если вдруг за ночь её одолела проказа!

Боже, кто бы заткнул этот убудочный внутренний голос!

Надежды умирают, когда Холера появляется в зале ресторана.

Выглядит даже лучше, чем вчера. Улыбчивая, бодрая, в ярком платье цвета фуксии. Ей ужасно идет этот цвет, он подчеркивает легкую экзотичность её внешности.

И конечно, она не одна. Тот же слащавый хлыщ, от которого у меня сразу ноют все зубы, идет с ней рядышком, держит под руку. Оставляет только, когда они оба доходят до мини-сцены, вокруг которой и выставлены сейчас полукругом столики. На той мини-сцене Холеру уже ждет другой парень, но он хотя бы кивает ей более-менее официально.

– Это владелец издательства, кстати, – суфлерским шепотом комментирует Снежок, – а он не ко всем своим авторам ходит вести презентации, только к тем, кого очень ценит.

Снежкин шепот оказывается вопиюще громким. Холера его слышит, поворачивается к нам, видит меня...

Ну, привет! Кто там обещал мне прислать копию декларации?

Посылаю ей условно-вежливую улыбку.

Получаю в ответ скальпельно-острую. Почти слышу её ядовитый голосочек: «Я же просила оставить меня в покое».

Зря Васнецов надеется, что я смогу её уговорить. Кажется, она в любой вуз пойдет, лишь бы в нем меня не было.

Пожимаю плечами.

Просила. Только разве это возможно? Ты и сама знаешь, что эти вопросы решаются, только если ты возьмешь и исчезнешь. Потому что даже у моего стремления к тебе есть пределы.

Холера едко сжимает губы и принимает руку, предложенную ей представителем издательства. Забирается на высокий стул, грациозно на нем устраивается. А потом – опускает руки на колени, будто случайно положив правую поверх левой.

Почему «будто»?

Ну а как может быть иначе?

Разве мог я не заметить на безымянном её пальце золотого ободка, которого еще вчера не было?

Землю из-под ног будто одним резким движением выдергивают.

Вот же, с-сучий потрох!

Не я один замечаю “обновку”.

– А я погляжу, вас можно поздравить, Катерина...

Мне нравился мужик из издательства. Он хотя бы не смотрел так на Холеру, будто она была его любимым блюдом. Но это было до этого момента. До того, как Холера получила возможность воссиять лучистейшей из всех её улыбок.

– Да, Паша, ты совершенно прав. С сегодняшнего утра – уже можно.

Боже, какой поднимается гвалт. Только по нему можно понять, что большинство собравшихся в ресторане – женщины. Сначала они говорят, сыплют поздравлениями вразнобой, а потом – просто начинают аплодировать.

Кажется, дай им волю, и они там от избытка чувств прям сейчас и Холеру, и жениха ейного на руках в ЗАГС отнесут.

Как она держит лицо...

Боже, как она держит лицо...

Я практически ненавижу её за это.

За скромно опущенные глаза.

За милую благодарную улыбку.

За так по-женски вытянутую руку к этому её утырку, которого она тут же втягивает к себе на сцену.

Он стоит рядом с ней, и им аплодируют еще сильнее.

– Вы отлично смотрите вместе, ребята, – метко отмечает владелец издательства и оборачивается к ресторанному залу, – я прав, девочки?

Восторг, которым откликается ему в ответ зал, звучит в моей душе в тональности похоронного марша.

Ничего на свете хуже нету этой правды.

Они и вправду отлично вместе смотрятся. Молодые, яркие, красивые... И от того только сильнее сочится кровь из старых запекшихся шрамов.

Надо это вынести. Прожевать. Пережить.

Моего запястья касаются тонкие пальцы. Вздрагиваю и ловлю неожиданно грустный взгляд Снежки. Кажется, из всех моих осведомленных только она сильнее всего и расстроилась, что Холера так ко мне и не вернулась.

– Извини, – виновато шепчет Снежка, бросая виноватый взгляд в сторону сцены, – я не знала об этом. Я слежу за её творчеством – да, с ДетективКона в прошлом году, но близко не общались, в соцсетях её нет. Я не знала...

– Забей, – шепотом откликаюсь я, – забей, Снежок, все в

порядке. Я почти терплю.

Почти...

Почти терплю.

Почти киплю.

Мне хочется что-то сделать, но я ведь здесь не для того, чтобы срывать презентацию.

У меня даже теоретическое дело есть, как и оправдание.

Хотя чего греха таить, я пришел сюда...

Хотя бы посмотреть...

Хотя бы...

Оказывается, что мое “хотя бы” – это все-таки чересчур. Ядовито, шумно в крови, и глухо чихает внутри детонатор старой бомбы.

И бесит уже абсолютно все, даже то, что она сейчас даже мимоходом на меня не смотрит. Так и сидит, позволяя хлыщу своему себя обнимать, смеется, просит...

– Ну, Паша, давайте все-таки о книжных делах!

– Так мы о книжных, – отбивается издатель, явно ощутивший, что поплывшая на свадебной тематике аудитория может в качестве свадебного подарка молодым и остаток тиража смести, – Катерина, а что если ты в декрет уйдешь? Если помнишь, у нас вообще-то контракт, чтоб минимум две книги в год писалось.

– Паша, Паша, – Холера грозит своему собеседнику пальцем, – я помню наш договор, он предусматривает и мой декрет, и последующий отпуск по уходу за ребенком.

– Я же разорюсь за это время, – драматично восклицает мужик, переигрывая на самом деле.

Нет, это выше моих сил.

Я вытаскиваю из кармана телефон, строю озабоченное лицо для Снежки.

– Извини, срочный звонок...

И дезертирую с поля боя без попытки этот бой устроить.

Нельзя.

Просто нельзя.

Хоть и очень, очень, очень хочется!

Конечно, меня никто не останавливает. На мое место сразу же приземляется стоящая рядом высокая костистая тетка преклонных лет.

Подожду конца презентации на улице. В конце концов – я увижу, когда вся эта толпа начнет разбредаться. И подсуну Холере журнал во время анонсированной автограф-сессии.

Так-то оно полегче будет! А то от этой их свадебно-декретной тематики у меня уже озверин в крови выкипает.

Снежок, конечно, начинает мне звонить уже через пятнадцать минут отсутствия. Пишет СМС в духе: «Где ты?», но я не реагирую. Просто не в силах сейчас выносить её сочувственные взгляды. Да вообще всё её сочувствие сейчас излишне.

А вот информация о завершении презентации – мне очень пригодится, да.

Можно попросить маякнуть СМС-кой.

И не надо сидеть у гостиницы и ждать, пока потянутся наружу скопления людей. Можно зайти хоть даже в торговый центр, чтобы...

...чувствовать себя щенком на веревочке.

Желание вернуться, желание впиться в Холеру хотя бы глазами, а лучше – дать по зубам её приторному хлыщу давит на горло похлеще туго натянутого поводка.

– Юлий Владимирович?

Не сказать, что я уж очень рад слышать этот голос, но в принципе – даже эта встреча лучше того, чтобы сидеть по-задротски за столиком кофейни и глотать отвратительный черный кофе напополам с собственной бесконечной желчью.

Капустина стоит в паре шагов от моего столика, с картонным стаканчиком в одной руке и тарелочкой с пирожным в другой. Глаза на меня вытаращила.

– Анна! – я опускаю подбородок.

Раньше она бесила меня ужасно, но сейчас...

Сейчас уже плевать.

Тем более от той самоуверенной стервочки, которая совсем не тянула программу архитектурного факультета, и не осталось ничего. Не узнал бы даже, если б сама не окликнула.

– Разрешите присесть? – Капустина делает пару шагов и как-то неловко замирает у угла моего столика.

– Ну, если есть желание... – безразлично пожимаю плечом.

На самом деле любая компания сейчас сделает это нестер-

пимое ожидание чуточку проще.

– Как у вас дела, Аня? – спрашиваю через силу, но все-таки с интересом. Ничего не поделаться – я сейчас, увы, слишком одержим мыслями на одну, очень узкую тему жизни одной Холеры, поэтому все остальные, даже более-менее жизненные вопросы звучат так натужно.

Впрочем Капустиной вроде не нужно бесконечное радушие и любопытство. Мы никогда не были друзьями, я не был её любимым преподавателем, и она – не была моей любимицей. У меня вообще в душе какое-то смутное ощущение, что сейчас, здесь, она так же, как и я, ищет, чем себя занять, но с чего бы ей это делать?

– Как дела? – Капустина неровно передергивает плечами. – Ничего. Вроде, ничего. В сравнении, конечно.

– Слышал, из академика вы перевелись в МГУ, – припоминаю слухи прошлогодней давности, – и как? Тянете журфак?

Сам замечаю, как нервозно сминают бумажную салфетку пальцы Капустиной.

– А вы сомневаетесь? – остро интересуется она. – Сомневаетесь, что у меня мозгов хватает?

Вот этот голосочек мне знаком. Хорошо знаком. Помню я эти её колючие шпильки во время учебы еще у нас.

– Я бы сомневался, если бы вы снова выбрали техническую специальность, – ровно отвечаю, глядя девчонке в глаза, – потому что точные науки – это определенно не ваше. А журфак... Вы, кажется, ведь там учились, до нас?

Она кивает, пожалуй – резковато, и это выдает в ней нервное напряжение.

– Я спрашиваю, потому что мне интересно, – продолжаю спокойно, – ну и на самом деле, вы же понимаете, что любому вашему знакомому есть о чем беспокоиться. Так ведь?

Капустина опускает глаза.

Конечно, она понимает.

Просто, наверное, в её лазурных мечтах о её трехмесячном пребывании в психиатрической частной клинике никто не знал. Тем более, её отец много усилий приложил, чтобы слухи не распространялись, но профессорат все понял сам. Уже когда прошла неофициальная информация о попытке самоубийства.

Господи, какое же трэшное было время. Когда один взрыв следовал за другим, и все большая площадь реальности взвивалась в воздух, чтобы осесть на землю пылью и руинами.

– Юлий Владимирович, я хочу задать один вопрос, – неровно покашливает Капустина, и в её голосе я слышу острое напряжение. Кажется, из-за этого вопроса она ко мне и подошла сейчас.

Смотрю на телефон. Ни звонка, ни СМС. Минута моего освобождения все так же далека.

– Я в вашем распоряжении.

– Почему вы тогда послали ко мне Катю?

Ох, уж это «тогда».

Капустиной даже выделять его голосом не было нужды. Я слишком хорошо помню тот день.

День, когда Капустина чуть не вышла с балкона восьмого этажа.

День, когда меня сдернул с лекций звонок Антона, который пришел домой после школы и нашел мать на кухне без сознания.

День, когда я не нашел минуты на последний звонок Холеры.

День, после которого в учебном совете мои ставки взлетели почти до небес, но если бы мне дали выбор – я бы совершенно точно от репутации, полученной такой ценой, отказался.

Жаль, что выбора не было.

Никакого, кроме как браться за лопату и разгребать все эти проблемы. И вкушать их послевкусие, по полной.

Но для Капустиной это, конечно, только день, когда она едва не покончила с собой. Потому что это ведь оставило неизгладимый след в её жизни.

– Я ведь вам ничего не рассказывала, – отрывистый голос Капустиной звучит требовательно, – вы не могли знать, что я ту запись просто уничтожила. Вы...

– Ты в ноль была на лекциях, – проговариваю, припоминая то утро, – и дело было даже не в том, что внешне ты походила на человека, ограбившего алкомаркет. Просто на тебе не было лица. Когда ты ушла с пар – меня это напрягло.

И Иванову я к тебе посылал чисто по интуиции. Чтобы убедиться, что все в порядке.

– Это могло сделать хуже, – Капустина залпом допивает свой кофе, – у нас с ней тогда... Вы помните.

– Вы тогда разругались, да, помню, – отстраненно наблюдаю, как мимо стеклянной стены кофейни идет неторопливо приметная парочка. Женщина, как это говорится – «с опытом», в ней чувствуется зрелость, но и назвать её «в возрасте» язык не поворачивается. Что-то в ней мерещится смутно знакомое, но спустя минуту плотных размышлений я сдаюсь. Вероятно, родительница кого-то из бывших студентов. Приметная, вот и врезалась в память. Лично, вроде, не знакомы.

Она хрупкая, но бодро шагает вперед и ведет за собой малявку в белом сарафанчике в вишенках. Малявка совершенно бесподобная, с двумя хвостиками на макушке и веселым громким ртом. Она что-то там лепечет на своем, детском, и я испытываю смутную жалость, что не слышу, что именно. Стекло этому мешает.

– Юлий Владимирович, – покашливает Капустина, и в первую секунду я испытываю необъяснимое раздражение, что меня отвлекают от созерцания колоритного дуэта, пробирающегося к выходу из ТЦ. Но все-таки беру себя в руки и разворачиваюсь к Анне лицом.

– Мы ведь не просто поругались с Катей, – проговаривает Капустина, – мы даже подрались. Вы нас разнимали. Но по-

слали вы ко мне её. Почему? Это ведь был риск.

– Нет, не был, – покачиваю головой, – вы подрались, когда Иванова все про тебя узнала. Да, она была очень экспрессивна тогда, но... У меня были причины считать, что ты – не самый ненавистный человек в её списке.

– Почему?

Дотошная девочка. Стоит ли удивляться, что нашла себя в журналистике? Где еще могла, с её-то стремлением всех выводить на чистую воду?

– Потому что первое место было однозначно мое, – мой тон звучит насмешливо. Я хорошо умею прятать под этой насмешкой самые темные чувства, самые больные места. И до того, как Капустина начнет расспрашивать, чем же таким я умудрился потеснить её в топе врагов народа – отвожу разговор на зону безопасных разговоров:– Не ищи глубокого мотива, Аня. Я действовал на интуиции. У меня была причина послать к тебе Иванову, а любого другого студента еще пришлось бы мотивировать. Мне не хотелось тратить на это время.

– И хорошо, что вы не стали его тратить, – Капустина начинает постукивать пальцами по блюдечку, пирожное с которого буквально пропало без следа, – Катя тогда только-только успела. Если бы не она, я...

Она замолкает, опускает глаза.

Очевидно, сожалеет о том, что тогда повела себя так... импульсивно.

Я смотрю на неё минуту, смотрю вторую. Придвигаю к себе папку с распроклятым журналом, достаю из неё вчерашний флаер, опускаю его на стол перед Капустиной.

– Знаешь про это?

Наверное, со стороны это напоминает какую-то шифровку. Вот и Капустина некоторое время молчит, а потом не поднимая глаз тянется к своей сумочке. Достает оттуда книжку в мягкой яркой обложке. Демонстрирует мне.

« Степа Нахлобучко. Кобель по гороскопу ».

Ни за что не перепутаешь, именно эта книжка была у Холеры на флаере. Её последняя.

– Знаешь, значит. Так почему ты здесь, а не там?

– А вы? – вопросом на вопрос отвечает Капустина, и острым своим взглядом будто пытается снять с меня скальп. Как будто это поможет ей докопаться до истины.

– Со мной она в десны не целовалась.

– А со мной не спала.

Хороших врачей господин Капустин доченьке подогнал. Зубки наточили, думать от смерти отучили. Жаль только бевос не всех перебили, но огрызаться на всех подряд не отучили.

– Извините.

Капустина спохватывается, что её занесло, до того, как я формулирую это в цензурных словах.

– Я просто... – говорит, запинаясь, потом машет ладонью.

Просто в башке у тебя бардак, Аня. Как и всегда было.

Только если раньше меня это бесило, сейчас я... сочувствую, да.

Сам в этой долбоебической ситуации нахожусь. Когда хочется одного, а мозгом понимаешь – нельзя ни в коем случае. Но ведь это мне нельзя! А Капустина – навряд ли в рожу Холеринуому жениху вцепится. Жаль, конечно, но...

Так кстати вибрирует под ладонью телефон. Снежка наконец-то прислала вожделенную СМС.

«Автограф-сессия заканчивается. Пять человек осталось».

– Пошли, – я резко встаю на ноги, сгребаю папку за кожаную петлю одной рукой, а второй – прихватываю Капустину под локоть.

– Эй, куда вы меня тащите? – у Капустиной даже паническая атака, кажется, приключается от моей внезапности.

– А сколько у тебя вариантов? – с иронией бросаю через плечо.

Иногда мне хочется сказать спасибо двадцать первому веку. Потому что тут можно убить два часа времени очень просто, никуда особо не уходя. Вот и мне сейчас всего-то нужно – дотащить Капустину до перехода и по диагонали пролететь с ней через гостиничную парковку.

Останавливаюсь только у самой вертушки стеклянных дверей.

Смотрю на Анну и понимаю, что её трясет.

И если я срочно не приму меры – она даже холла гостиничного не пройдет, рухнет в обморок ровнехонько посередине.

– Эй, – встряхиваю девушку за плечо, – ты мне лично литров двадцать крови испортила. Хочешь сказать, у тебя не хватит силы воли встретиться со старой подружкой?

– С бывшей подружкой, – лепечет это недоразумение чуть ли не в панике.

– Бывшая подружка не то же самое, что бывший любовник, – чеканю бесцеремонно, – лучше подумай, что будет, если ты сейчас струсишь. Она уедет. Вы не поговорите. И сколько еще дивных депрессивных эпизодов с тобой приключится?

– А если она меня пошлет?

– А если нет? – Я приподнимаю бровь. – Капустина, сделай уже одолжение, найди кнопку включения твоей стервы. Я знаю, она у тебя есть. Три года «наслаждался».

– Вы заслуживали, – бурчит она, обреченно косится в сторону вертушки дверей, вздыхает, встряхивается. Отлично! Вот такой её отпускать уже можно.

– У меня есть просьба, – в последний момент я все-таки решаю переложить свою головную боль на здорового человека, – сделай одолжение, передай Холере, что она должна расписаться вот тут...

Впихиваю Ане журнал из папки. Показываю закладку на нужной страничке и галочку в строчке, где нужно поставить

подпись.

Да, это идиотское решение проблемы.

Да, я этот журнал вообще из рук выпускать не должен, по идее, но...

Пошло оно все!

Если я хоть пять минут рядом с этой сладкой парочкой постою – коротать мне сегодняшний вечер в обезьяннике, после нанесения побоев этому приторному Холерину женишку. А я не готов наносить Антонию такую моральную травму.

Васнецов, конечно, недоволен будет.

Но, будем честны, если он надеялся, что на Холеру внешне подействует мое обаяние – он все-таки несколько наивнее, чем я предполагал.

У Капустиной такой взгляд – будто вот-вот начнет спрашивать, что и как.

– Время-время, – постукиваю пальцами по часам, – ты можешь опоздать даже к шапочному разбору.

– Хорошо, – наконец кивает девушка, – где вас потом искать?

Верчу головой, ищу местечко потише, подальше, туда, куда гарантированно не занесет Холеру, где будет возможность держать дистанцию от этой вечной моей болезни.

– Вон там, – машу ладонью в сторону детской площадки у дальнего края парковки. Оттуда из-за зеленой изгороди доносятся радостные визги возящейся там ребятни.

– Поняла, – Капустина деловито кивает, сует журнал в свою глубокую сумку, – все сделаю. Спасибо, Юлий Владимирович.

– Вали уже, – прошу нетерпеливо.

Не чувствую себя ни разу заслужившим эту её благодарность. Она и сама наверняка взяла бы себя в руки и перешла наконец дорогу. До ТЦ же как-то дошла.

На площадке выбираю себе скамейку на самом дальнем краю.

Таком, чтобы не было видно ни входов, ни выходов, и вообще, чтобы можно было сесть спиной.

Жаль только время тянется так медленно. Просто таки нестерпимо.

Топ-топ-топ...

На мое колено неожиданно, как на риф посреди тихой заводи налетает пузиком прекрасная галера...

Ну, если быть точнее, та самая хвостатая принцесса, которую я еще в ТЦ замечал.

Налетает, задирает ко мне перепачканную шоколадом мордашку.

Боже ты мой, какие глаза у этой девахи. Голубые, бездонные, будто небо, залитое солнцем.

Любящий папочка, поди, уже патроны закупает, чтобы женихов от неё отстреливать!

Ну, и кстати, кажется, я нарываюсь на то, чтобы стать первой мишенью.

Потому что смотрит она на меня, смотрит, не отрывается.
А потом звучно топает сандаликом по асфальту.
– Привет, дядя!

Глава 7. Катя

– Ты там сколько стоять планируешь? Час? Два?

Я говорю насмешливо, но – все-таки устало.

Зал ресторанный почти пуст – большая часть народу все-таки отпрашивалась с работы ради этой встречи и оставив позади долгий разговор о книге, о творческом процессе и о том, не хочу ли я разыграть пять приглашений на свадьбу среди членов собственного фан-клуба, люди уносятся почти сразу, как получают вожделенный автограф на развороте книжки.

Но все равно.

Меня сегодня обнимало куча незнакомых мне людей. А старая знакомая, бывшая лучшая подружка стоит у самых дверей и пытается спрятаться за пальму. Только когда я её окликаю, вздрагивает, обдумывает последнюю версию своего побега, но потом – все-таки шагает к моему столу.

Пока она шагает – я её разглядываю. Есть на что посмотреть, на самом деле. Имидж Капустина сменила довольно контрастно. Она избавилась от блонда, вернув волосам родной русый цвет. Пусть вместо гламурной стервочки передо мной сейчас встает обычная девушка в джинсах и клетчатой рубашке.

– Говорят, ты тут автографы раздаешь, – судя по улыбке, Анька отчаянно храбрится, – а мне книжку подпишешь?

И ведь натурально подсовывает мне свежий томик моего ж детектива. И... Нужно сказать, обложка не хранит в себе девственной спрессованности, как если бы была только из магазина. Нет. И странички легко перелистываются, не протрескивая.

– Читала, – замечаю я задумчиво и возвращаюсь к чисто-белому форзацу, – и что ты думаешь?

Одна из самых свежих моих проблем – синдром самозванца. Читатели обожают мои истории, а я все никак не научусь даже книгами их всерьез называть. Все кажется, что не хватает мне критического мнения со стороны. Желательно, человека, который тоже не чужд творчества. Капустина, конечно, не писатель, журналистка начинающая, блог свой ведет на активно-социальные темы, но так даже лучше.

– У тебя хороший стиль, – улыбается Аня, – и проработка деталей. Всегда очень занятно перечитывать и смотреть, как ты из одного рыболовного крючка потом целую сюжетную линию выстроишь. Особенно хорошо это разбирать, когда финал уже знаешь.

Рыболовный крючок – это не из этой книги. Это из «Болтливой золотой рыбки». Получается, не просто увидела и купила. А реально следит за творчеством.

– Спасибо, что пришла, – улыбаюсь и протягиваю Аньке книгу. Она её берет и смущенно вертит в руках, будто пытаюсь что-то для себя решить.

– Оставайся, поболтаем, – я разрешаю её муки самостоя-

тельно, – только мне перед этим нужно закончить встречу. Подождешь?

Она быстро-быстро кивает, нервно дергается в сторону, налетает на Кира. Тот галантно её придерживает и даже сдвигается в сторону, приглашая Аньку присесть за его столик.

Боже, вот за что мне этот не в меру умный лис? Я вроде душу дьяволу не продавала.

Оставшиеся полторы дюжины человек – самые верные, самые упрямые, из когорты тех поклонников, что выйдут из зала только после тебя. И они достойны отдельного прощания.

– Вы у меня нереальные, – произношу от души, обводя их всех взглядом, – и мне с вами повезло. Хоть каждый день бы с вами встречалась.

– Каждый день обсуждать ваши новые книги? – Майя, приметная девушка с длинной косой цвета розового золота, мечтательно округляет глаза, – отличная идея, жаль уж слишком несбыточная. У вас рук не хватит.

– Да, к сожалению, – признаю я и охотно подставляюсь её объятиям. Эта девочка – просто чемпион по обнимашкам. А еще – это она организовала мой фанклуб и в самый первый год организовала первую встречу с читателями. Их тогда пришло тридцать человек всего, в сравнении с нынешним забитым залом – не сравнить, но я все равно как сейчас помню ту встречу. Да даже если бы их пять всего было – я

б запомнила.

Снежана стоит отдельно. Как будто обособленно, но не заметить её нереально. Она натурально будто царапает мне зрачок.

– А я думала, мне обнимашек не насыпят, – фырчит она вполголоса, когда я наконец добираюсь до неё. До последней.

– С чего бы это?

– Ну, – Снежок округляет глаза, – есть у нас с тобой один общий знакомый, который...

– А ты-то тут при чем? – Я старательно давлю на корню первый же болезненный спазм, эту мелкую душевную судорогу, что лезет наружу при первом же упоминании Ройха.

– Ну, позвонить-то ты мне так и не позвонила, – Снежана укоризненно поджимает губы, – хотя я просила сделать это, даже если ты с тем нашим знакомым разбежишься.

Хороший подзатыльник...

И я немного виновато втягиваю голову в плечи.

– Тогда у меня был очень сложный этап в жизни...

– Я немножко знаю, – Снежок кивает и дарит мне милосердную, всепрощающую улыбку, – но сейчас-то у тебя прекрасный этап, так ведь?

– Ну, – я бросаю теплый взгляд на Кира, – лучшего этапа я и не помню, пожалуй.

– Тогда держи, – она вкладывает в мою ладонь белую визитную карточку, – не позвонишь, сложу все твои книжки на заднем дворе и сожгу.

– Прямо сожжешь? – ну как не усомниться, если я помню трепетную любовь Снежки к её библиотеке.

Она морщится и разводит руками.

– Ну, может и нет, но буду об этом фантазировать. Обиженная.

– Я позвоню, – обещаю искренне. От прошлой жизни у меня мало что осталось. И это на самом деле очень невесело – когда ты даже обернуться назад не можешь, просто некуда. Наверное, поэтому я сейчас готова хвататься за всякую завязочку, чтобы не была моя жизнь настолько пустой, изодранной в клочья книгой.

Из ресторанного зала выхожу не одна, выхожу со свитой. Только в холле гостиницы разбегаются от меня самые преданные мои поклонники, оставляя меня в компании Паши, Кира, Аньки...

Впрочем, Павел Аркадьевич тоже не задерживается. Строго говоря – ему и повода нет. Удачный релиз книги мы с ним три дня назад отмечали. Еще в Питере, между прочим.

– Жду приглашения на свадьбу, голубки, – роняет он и отчаливает. Не любит тратить время на все эти «здравствуйте» и «до свидания», но ему простительно. Важный все-таки хрен! Иначе и не скажешь.

– Свадьбу? – Анька восхищенно округляет глаза на нас с Киrom, и я припоминаю, что начало презентации она все-таки не застала.

А лучше бы она, а не Ройх.

Слава богу, ему хватило ума свалить с горизонтов, как только началось обсуждение этого дивного события в моей жизни. А то пока он сидел в первом ряду столиков, со Снежкой рядом, я подсознательно ожидала взрыва.

– Давай к нам поднимемся, – предлагаю, бросая взгляд на часы, – я все тебе расскажу. Только мне надо маме СМС маякнуть, чтобы они с Каро возвращались.

– Каро? – у Капустиной чем дальше, тем больше глаза.

– Все расскажу в номере, – клятвенно обещаю я, шагая в сторону лифта, – мне нужно срочно снять туфли. Вроде сидела все время, а ноги от них все равно болят.

– погоди, – Капустина перехватывает меня за локоть, – у меня тут...

– времени нет?

Логично, кстати, если нет. Это мне почему-то взбренило, что все на свете теперь такие же вольные птицы, как и я. Впрочем и моя вольная жизнь этой осенью кончится.

– время у меня есть, – Анька покачивает головой, – для тебя хоть весь вечер, Катена. Но у меня тут... дело. От Ройха.

Дело от Ройха – это ужасное словосочетание. У меня даже зубы крепче стискиваются, будто его фамилия – это хлыст, и чтобы вынести его звучание – мне нужно собраться.

– Вот, – Анька вытягивает из сумки толстый журнал в белой обложке, – распишись ему тут. Я ему это отнесу, и отвязься уже от него. А то он там ждет.

– Там это где? – спрашиваю отстраненно, забирая журнал

и паркуясь с ним вместе на первый попавшийся диванчик. Чтобы уже через десять секунд взвиться на ноги, после Анькиного ответа.

– На детской площадке, кажется! У гостиницы!

Господи, нет, только не это! Мама же до окончания презентации собиралась с Каролинкой именно там гулять!

Глава 8. Юлий

– Привет, привет.

С одной дз стороны – не особенно одобряется болтать с чужими детьми. С другой стороны, ничего криминального я не сделаю. Только полюбуюсь маленько. Деваха-то шикарная, глаз не отвести.

Всегда почему-то хотел именно дочку, и быть тем самым долбанутым отцом, который учится плести своей принцессе косички. Жизнь сложилась как сложилась. Боженька послал мне сына, причем обходным путем, но и так тоже случается. Я не жалею.

Только любоваться мелкими принцессами и думать, что, может быть, когда-нибудь с кем-нибудь у меня тоже такая получится, мне никто не запретит.

А эта еще и стоит рядышком, лапками за мое колено держится, дух переводит, на меня смотрит.

Коротко обзираю площадку. Примечаю и мать этого куда в вишенках, уже заметившую исчезновение малышки и поднимающуюся со скамейки. У неё в руках знакомый мне цветастый переплет Холериной книжки. Сговорились они все, что ли? Ладно, не важно. Машу ей ладонью, показываю на беглянку.

Женщина благодарно кивает и неспешно шагает в нашу сторону. Мудро. Молодые мамы вокруг детей носятся как

с писаными торбами, а эта – здраво оценивает обстановку.

Опускаю взгляд на деваху и даже сам удивляюсь, насколько пристально она на меня смотрит, посасывая пальчик.

– Давай все-таки без этого, вишенка, – осторожно за рукавчик оттягиваю руку малышки ото рта. Ожидаю, что она капризно скривит мордашу и закатит скандал, что всякие страшные дядьки ей тут удовольствие от жизни мешают получать, а она заливается хохотом и снова хватается ладошками за мое колено. На котором, кстати, с прошлого раза осталось два роскошных сладких отпечатка.

– Ну и как тебя зовут, мелочь? – спрашиваю, выжидающе поглядывая на приближающуюся женщину. Хочется продлить это дивное знакомство по совершенно необъяснимым причинам. Никогда не замечал в себе тяги вот так вот трепаться с чужими детьми, но вот сейчас желание такой силы, что прикусить язык просто не получается.

– Калолина Юйевна, – ужасно важничая и неожиданно развернуто сообщает малышка, солидно пряча лапки за спину.

И ведь правильно важничает. Имячко-то замудренное, длинное, да еще и с отчеством, а ей на вид – года два. Не все её сверстники в её возрасте слово «пингвин» сказать могут.

Повезло какому-то папе Юре, однако. Такая красота у него по дому топает.

– Извините, пожалуйста, – родительница «потеряшки» наконец до нас добирается и устало опирается на спинку ска-

мейки, – Кара, отпусти дядю. Ты его испачкала.

– Кафетой, – соглашается малышка и осторожно, пальчиком трогает шоколадное пятно на моем колене.

– Да-да, конфетой, золотко, – рассеянно кивает женщина и заглядывает в сумку, проговаривает уже для меня, – сейчас, подождите, у меня были салфетки.

– Это не страшно, – мне не хочется её напрягать, но она категорично покачивает головой.

– Нет, нет, сейчас я найду. Подождите только. И не давайте Карамельке вас снова пачкать, она может.

– Значит, тебя зовут Карамелькой, – перевожу взгляд на малышку, которая не торопится ни на горку, ни на качели, – что тут скажешь, тебе подходит. Настоящая конфета.

– Де кафета? – с совершенно непередаваемым детским акцентом озадачивается прелесть.

– Кара, никаких больше конфет, – строго откликается женщина, забираясь рукой явно на самое дно своей сумочной преисподней, – твоя мама меня съест, если ты сладкого переешь.

Мама?

А я-то думал...

– Карамелька...

Резкий оклик перебивает мои мысли. Резкий оклик будто служит ударом во внутренний гонг.

Холера...

Ошибиться нереально.

Увы, я точно знаю, на кого настроены все мои внутренние датчики.

Она-то тут откуда?

Она пролетает сквозь кусты, забив на цепляющиеся за платье веточки.

Она сгребает малышку в охапку и отпрыгивает вместе с ней от меня, будто я могу отравить одним только косым взглядом.

Немые сцены бывают разными.

Бывает и такая.

Я смотрю на Холеру, мягко говоря, охреневая. Что она тут устроила? За каким чертом она хватает чужого...

Щелк...

Будто невидимый пазл встает на нужное место, и до меня медленно начинает доходить.

Перевожу взгляд на стоящую рядом со скамейкой и вытаращившуюся на внезапную Холеру женщину. Господи, какой же я идиот...

Да, я не общался с матерью Холеры по учебе – во время старого скандала в учебной части горло драл её батюшка, но... Они так похожи, что то, что я не понял их родство – действительно маркер космической моей тупости.

– Мама, мы уходим, – голос Холеры неожиданно дрожит, и сама она не двигается с места.

– Катя, подожди, я обещала дать мужчине салфетки. Каро его испачкала, – Иванова-старшая укоризненно покачивает

головой.

– Мы уходим! – настойчиво повторяет Холера и делает шаг от меня.

А я поднимаюсь на ноги.

Потому что есть две вещи, которые в моем мозгу работают даже тогда, когда все функции отказывают ввиду близости этого моего проклятия с крыжовниковыми глазами.

Первое – чутье.

Второе – калькулятор.

– Ты не говорила, что обзавелась дочкой, – проговариваю медленно, глядя в глаза Холере. А они – отчаянные, точь в точь как в те секунды, когда я ловил её на лаже в курсовиках.

– Это не ваше дело, Юлий Владимирович. Вы мне никто.

Я почти восхищен её самообладанием. Даже сейчас, когда под ногами у неё горит земля, она продолжает непримиримо скалить зубы и упорно мне выкает. А может – она делает это просто назло. Меня ведь всегда это бесило.

– Никто, говоришь, – улыбка у меня получается, мягко говоря, раздраженной, – так может, ответишь мне на последний вопрос, Холера? Как у твоей дочери отчество? Юрьевна? Или Юльевна?

Она не могла знать, просто не ожидала, что сама её кроха мне все это сдаст.

Холера молчит. Мертвеет лицом. Отступает от меня еще на шаг и прижимает малышку к себе еще крепче.

Что ж, это тоже ответ. Весьма красноречивый!

Слова...

Слов нет.

Только кипучий огонь в легких.

Что ей сказать? Как не убить прямо тут? И как самому на ногах удержаться, потому что мир трясет.

– Мама, забери Каро, – голос Холеры звучит неожиданно твердо, – идите в номер. Я скоро буду.

Говорит бесцветно, глаз от меня не отводит, будто я – хищный зверь, что готов вцепиться в горло, если она только глаза от меня отведет.

Скоро? Она рассчитывает разобраться со мной скоро? Какая наивная девочка.

Впрочем ладно. Она хотя бы собирается со мной говорить. Космический прорыв в нашем с нею общении.

– Катя, может быть... Позвать Кирилла? – моя бывшая союзница явно все сильнее преисполняется враждебности в мой адрес.

– Пусть спустится, если я не приду через пятнадцать минут.

Малышка, которую только что бесцеремонно схватили, громко протестует против ухода с детской площадки.

– Гуять хочу, еще гуять...

Голосочек звонкий, в нем так пронзительно звучат слезки.

– Оставь её здесь, – это мое шипение рвется у меня из груди. Первые мои слова после откровения. Все что сейчас я могу сказать – только то, что рвется само, на инстинктах.

Холера будто не слышит. Передает дочь – нашу с ней дочь – с рук на руки бабушке и кивает им в сторону дорожки. Уходите мол.

– Я сказал...

– Говорите дальше, – Холера проходится по моему лицу кислотным взглядом, – кто ж вам помешает сотрясать воздух, Юлий Владимирович. Беседовать с вами при ребенке я не собираюсь.

А я, может... Хотел бы при ребенке. Так больше шансов, что я не придушу эту мелкую стерву прямо здесь и сейчас.

Я иду к ней медленно, по мере того как удаляется от меня тонкий голосочек хнычущей малышки.

Удивительная разница, но сейчас Холера не отступает. С места не двигается и бровью не ведет, покуда я над ней не нависаю. Непокколебимая, как стена. Будто сейчас она прикрывает свои тылы. Залюбовался, если бы не хотел прибить её так сильно.

– Значит, у меня есть дочь, – произношу медленно, заставляя себя не срываться на рык.

– Вы ошибаетесь, Юлий Владимирович, – Холера говорит нарочито негромко, глядя на меня снизу вверх, – дочь есть у меня.

Господи. И так-то от ярости все в глазах плывет, а тут она со своими закидонами выступает.

– Ты научилась размножаться почкованием? – удивительно, что она не обугливается от моей ярости, потому что каж-

дое слово, что вырывается из моей груди – чистая соляная кислота, в концентрации. – Или, может, будешь врать, что я ошибся в подсчете сроков? Ты родила от меня.

– Я не буду врать, – голос Холеры звучит контрастно холодно, – я просто напомню. От ваших детей вы дали мне таблеточку. Забыли?

Земля под ногами будто вздрагивает.

Это хороший удар. От него встряхивается и мелко шумит под ногами мир.

Я помню прекрасно, что стало причиной для расставания. Сушая мелочь, из которой эта идеалистка раздула бучу – так я тогда думал. Думал, это станет мелкой размолвкой, и мы урегулируем это позже, но...

Мир был против. И протестовал от души.

– Это так не работает, – хрипло произношу я упрямо, – о таких вещах сообщают.

– Зачем? – Холера приподнимает бровь. – Чтобы вы снова за меня все порешали и отвели меня за ручку на аборт?

– Мы могли это обсудить.

– Как обсудили новости о слитом компромате? Как обсудили попытку моей подруги совершить самоубийство? Ах, да, точно, мы же ничего не обсуждали, – Холера фальшиво кривит губы, – потому что вы были заняты, Юлий Владимирович. И тогда, и месяц спустя, и два месяца спустя.

– Катя, послушай, – выдыхаю хрипло.

– Нет, это ты меня послушай, – она резко сужает глаза, –

да, я родила Каролинку. А еще я консультировалась со врачом. И знаешь, что мне сказали? Это чудо, что Каролинка вообще получилась. Потому что по идее таблеточка твоя волшебная должна была её убить. И если раньше я ненавидела тебя просто потому, что ты мудака, который со мной развлекался, то теперь, каждое утро, когда я смотрю на дочь – я думаю о том, что её у меня могло и не быть. Из-за твоей таблеточки. И ненавижу тебя сильнее. Сильнее. Сильнее!

Она шипит и скалит зубы как отчаянная волчица, а я...

А я сгребая её в охапку и стискиваю так, чтоб она вскрикнула.

Потому что из всего того спектра эмоций, что меня сейчас колотят напололам с шоком – есть и благодарность. Бешеная, лютая, отчаянная благодарность.

Потому что... Она могла аборт сделать. Не сделала. И...

Трр-кхсч..

Если раз услышал этот звук – потом уже ни с чем не перепутаешь. Правда опознать звук и среагировать на него – вещи разные. Я просто не успеваю, когда мне в бок, под ребра, снова с размаху впечатывают чертов шокер.

И это ж... Бля!

Мир пошатывается, я – не удерживаюсь на ногах, падая на колено.

Холера делает шаг от меня как от прокаженного.

– Я живу в другом городе, – произносит она холодно, – выхожу замуж. У Каро будет отличный отец, которому ты и

в подметки не годишься. Кто знает. Может, лет в четырнадцать она сама решит с тобой пообщаться. Но это будет её решение. А до той поры ты к ней не подойдешь. Не приблизишься даже.

Глава 9. Катя

– Ну, ты даешь, Катюха...

Анька, выскочившая за мной из гостиницы, но мою разборку с Ройхом заставшая только в развязке, почти вприпрыжку за мной несется. А я... А я лечу. Без остановки. Лишь бы не видеть, что земля под ногами горит. Я знаю, знаю. Чувствую пылающими пятками. Даром что в туфлях!

– Все в порядке, заяц?

И Кир выскочил за мной!

Засада! Я-то надеялась, хоть в лифте смогу расслабиться, хоть на пару секунд, но нет!

Держись, Катя, держись. Держи лицо, хоть какое-то, только держи. Чтоб никто даже не подумал, что из души твоей, из многочисленных дырочек, хлещет во все стороны тонкими алыми струйками боль.

Я не хотела этой встречи. Я не хотела этих откровений. Я и так вчера позволила себе лишнее!

– Катен, – пальцы Кира касаются моего предплечья, – на тебе лица нет.

Когда-то давно Ройх попрекал меня, мол, из меня хреновая актриса.

Ох, как он был не прав. Потому что плохая актриса точно так не сможет.

Мне хочется упасть в кровать и расплакаться, а я – вывожу

на лицо вымученную улыбку.

– Это была неприятная встреча. Я в норме. Дай мне чуть-чуть отдышаться.

– Это был отец Каро, да?

Ох, черт, он ведь стоял дальше, чем Анька.

– Татьяна Алексеевна сказала, пока Карамелину уводи-ла, – заметив мои удивленные глаза, фыркает Кир, – попро-сила не спешить вписываться, но подстраховать тебя на вся-кий случай.

Вот бы меня сейчас кто-нибудь подстраховал. Я бы не от-казалась.

– Да, это был он, – устало говорю, обнимая себя за плечи, – и я очень хотела, чтобы он про Каро не узнал, но все как будто против меня.

– Ну, почему против тебя? – насмешливо произносит Кир. – Можно подумать, от того, что он узнал, я передумаю на тебе жениться.

– А ты передумай, – бросаю резче, чем стоило, смотрю на него ядовитей, чем стоило.

Осознав это – тянусь к нему с объятиями.

– Прости. Этот мудака вечно портит мне настроение. А ты ни при чем.

– Ну, мы ему тоже попортили сегодня, – весело отклика-ется Кир, – он на презентации почти черный сидел, когда мы про свадьбу говорили.

Странное. Я вроде не говорила Киру, что Ройх был на пре-

зентации. Но...

Теплые крепкие объятия Кира – это хорошее лекарство от всех дурных мыслей.

И к черту Ройха, к самому злему черту, в самый горячий котел. Я хочу...

– Я переодеться, – произношу на пороге гостиничного номера, обозревая всех там собравшихся. Вижу Каро, которая уселась за кресло и дуется на всех, кто увел её с улицы, как мышшь на жесткую крупу. Вижу маму, которая устало кивает и машет мне ладонью. И похабную ухмылочку Кира тоже вижу.

– Тебе помочь?

– Я иду переодеваться, а не раздеваться, – отбиваюсь усталым, а сама – к своему стыду чуть не пальцы за спиной держу крестиком, лишь бы он не стал настаивать.

– Надеюсь, в твой вечерний дресс-код чулки включены, – фырчит Лисицын, а сам – усаживается рядом с креслом, за которое забила Карамелька. И вытаскивает из кармана одну из вороха пальчиковых кукол. Каролинка их обожает, мы скупаем их везде, где увидим, а Кир – повадился таскать с собой, потому что это универсальное успокоительное для моей дочери.

Говорит, у него даже как-то посреди деловой встречи одна такая выпала случайно из кармана. Было забавно, но заказчик оказался молодым папашей и спросил адресок магазина.

Что ж, хорошо, всем не до меня, значит, я могу наконец

торопливым шагом унести в спальню. Ведь необязательно сразу к шкафу подходить, можно и до окна маленький крюк заложить.

У нас не самый удобный ракурс на детскую площадку у гостиницы, но я, в конце концов, не потерянного той-терьера там пытаюсь разглядеть. А высоченного мужика, в ярко-белой рубашке. И я его вижу!

– Ну и как он там? Живой?

Голос Капустиной, хоть и негромкий, но прозвучавший за самым моим плечом, заставляет меня чуть не до потолка подскочить. Как я вообще умудрилась про неё забыть?! А вот она про меня не забыла. Стоит себе рядышком, длинную русую прядь на палец наматывает. И взгляд такой красноречивый... Она меня застучала с поличным!

– Я только... – говорить под прицелом Анькиных изобличающих глаз чудовищно сложно, – ...хотела убедиться, что он в порядке.

– Ага, – она беззаботно кивает, и сама облакачивается на подоконник, – понимаю. Все-таки важная страница твоей жизни.

– Не говори так, – прошу шепотом, – у меня все серьезно с Кириллом. А Ройх...

– А от Ройха у тебя мелкая, – Анька пожимает плечами, – Кать, говорю же, я понимаю.

– Правда?

– Более чем.

Мне надо бы успокоиться, а я – испытываю чувство глубокого внутреннего дискомфорта. Такое ощущение, что в меня все тыкают пальцем и изобличают, изобличают, изобличают.

Да было бы в чем!

Мне вообще на него плевать!

Я распахиваю шкаф, деловито шарясь глазами по полкам. Так, что из этого можно надеть на ужин с женихом и старой подругой, которую я тыщу лет не видела?

Ага.

Вот бы мои глаза еще желали фокусироваться на шмотках! Вообще бы все пучком было. Глаза так и норовят сползти обратно к окну. Туда, где все еще запаркована своим вторым размером Капустина.

– Ну и что? – спрашиваю шепотом.

– Сидит на лавочке, – спокойно откликается Аня, – баба какая-то к нему подходила. Послал её явно. О, встал. К машине идет.

Я перебираю блузки на плечиках, абсолютно не разбирая, ни цветов, ни ткани, ни формы. И минуты тянутся бесконечно мучительно.

– Отъезжает, – наконец буднично роняет Капустина и, отворачиваясь от окна, запрыгивает на подоконник. Смотрит на меня критично.

– Что? – я вытягиваю из шкафа первую попавшуюся юбку и прикладываю её к себе, будто прикидывая, не надеть ли.

– Дорогая, под эту юбку не наденешь чулки. Только рей-

тузы. И мусор в этом дивном наряде пойдешь выносить.

– Капустина, не перебарщивай, – хмуро бросаю на неё ко-
сой взгляд, – нормальная юбка.

– Ладно, нормальная, – невозмутимо откликается Ань-
ка, – но точно не для ужина с роскошным красавчиком, ко-
торый смотрит на тебя глазами влюбленного щенка.

Я вздыхаю. Запихиваю злополучную юбку обратно в
шкаф. Она, к слову сказать, какая-то заговоренная. Три ра-
за её пыталась выкинуть, и все три раза что-то да спасало
эту тряпку от моей расправы. В этот раз она даже попала в
нашу поездку в Москву, причем исходя из показаний всех
причастных к поездке – юбку в мой чемодан запихнула Ка-
рамелька. Не знаю, из каких соображений. Возможно, пото-
му, что мы в ней как-то рисовали и заляпали всю юбку от-
печатками разноцветных ладошек. Каро теперь считает, что
это самая красивая вещь у меня.

– Это?

Из шкафа появляется яркая красная юбка, с тремя ряда-
ми пышных оборок. Вопиюще короткая, но... Я ж в ней с
женихом ужинать буду, а не с командой озабоченных футбо-
листов.

– Другое дело! – Анька одобрительно кивает, и пока я за-
висаю над подбором подходящей блузки, беспечно спраши-
вает.

– А почему собственно с Ройхом у тебя такой трындец?
Мои пальцы предательски замирают от звучания фами-

лии, Которую-Нельзя-Называть, но я к своей радости – быстро справляюсь с этим ощущением неприятного ступора.

– Ну, а с чего должно быть по-другому? Мы всегда собачились.

– Не всегда, – насмешливо возражает Капустина, – я помню, целый семестр кое-кто ему в рот смотрел, и курсачи свои до запятой вылизывал. Лишь бы Юлий Владимирович похвалили-с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.